1
3-2
~~10.3(2)~~
3-291
Δ 6

124
~~60~~

1229813

Пр. 2010

~~126658~~

И. Прозоровъ. /Соб./ Екатеринбургъ 12 июня 1917
ОРК
17
3-29 с.ж.
891-7
3-29

Московское Общество Народныхъ Университетовъ.

Н. А. Заозерскій.

Л. Н. ТОЛСТОЙ
О СМЫСЛѢ ЖИЗНИ.

Инв. 1936 г. № 176658
ЦЕНТРАЛЬНАЯ ОКРУЖНАЯ
БИБЛИОТЕКА
ИМЕНИ
В. Г. БЕЛИНСКОГО
Свердловск.
1944 г.
КНИГОХРАНИЛИЩЕ,
ОБЛ. БИБЛИОТЕКИ
СВЕРДЛОВСК

Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая улица, свой домъ.
МОСКВА.—1913.

Инв 3435.

~~Ш5(2=Р)~~ Ю3(2)
891.71
3-291
8
12.29.813
Научная библиотека
Уральского
Государственного
Университета

„Всякій, познавшій истину, познаетъ и любовь, а познавшій любовь позналь Бога, такъ какъ Богъ есть любовь“.

Л. Толстой.

1.

Когда мы начинаемъ говорить о Толстомъ, то испытываемъ какое-то чувство растерянности, безпомощности, какъ будто мы подошли къ огромной скалѣ, которая загораживаетъ намъ дальнѣйшій путь. Великій писатель-художникъ и мировой посредникъ въ Тульской губерніи, историкъ и богословъ, писатель народныхъ сказокъ, школьный учитель, составляющій азбуку для деревенскихъ дѣтей, и учитель жизни, адвокатъ, защитникъ правды и бурный обличитель лжи и лицемѣрія — таковъ Толстой въ своей разнообразной жизни. Послѣ его смерти его личность не утратила интереса; наоборотъ, его геній обладалъ такимъ запасомъ умственнаго и нравственнаго богатства, такой широкой любовью къ людямъ, что на долгіе годы хватитъ для общенія съ человѣчествомъ этого неизсякаемаго дара. И задача ближайшихъ поколѣній, какъ долгъ по отношенію къ великому писателю русской земли, заключается въ серьезной и сложной работѣ надъ всѣмъ наслѣдствомъ Толстого. Наша обязанность, если мы хотимъ быть достойными современниками писателя, въ томъ, что мы должны теперь начать систематическое *изученіе* Толстого, т.-е. изученіе его

шагъ за шагомъ, годъ за годомъ, книга за книгой, во всѣхъ подробностяхъ; но мы должны не только изучать Толстого, но и *учиться* у него, по его жизни и писаніямъ—увеличивать въ мірѣ ту истину и ту любовь, которыя завѣщалъ намъ Толстой, и это вторая и главная наша задача.

Исполинская фигура Толстого, его личное вліяніе какъ-то мѣшали, при его жизни, сосредоточиться на его произведеніяхъ, разбирать ихъ внѣ личности автора. Конечно, и въ будущемъ изученіе произведеній Толстого будетъ связано съ изученіемъ его личности и жизни, и эта личность писателя, сама по себѣ, представляетъ огромный интересъ и много поучительнаго и помимо писаній; но теперь, какъ бы отдалившись отъ живого Толстого, когда мы знаемъ, что законченъ кругъ его жизни и дѣятельности, такое его изученіе станетъ еще глубже и полнѣе, чѣмъ при жизни, и нелицепріятный судъ исторіи отведетъ Толстому уже окончательно надлежащее мѣсто въ человѣчествѣ.

Изученіе Толстого теперь становится еще болѣе сложнымъ и интереснымъ, благодаря новымъ матеріаламъ о немъ. Въ самомъ дѣлѣ, его посмертныя сочиненія открываютъ намъ новыя стороны его духовной жизни, даютъ новыя черты для опредѣленія дѣятельности и настроеній, особенно въ послѣдніе годы жизни. Кромѣ этихъ сочиненій, дающихъ много новаго («О. Сергій». «И свѣтъ во тьмѣ свѣтитъ»... и др.), въ нашемъ распоряженіи уже теперь находится болѣе тысячи писемъ Толстого, изъ нихъ многія появляются впервые въ

печати; и все же это только малая часть его переписки, такъ какъ число всѣхъ писемъ Толстого насчитываютъ до 10.000; кромѣ того, надо помнить и неизданные до сихъ поръ полностью дневники Толстого, представляющіе, конечно, исключительный интересъ.

Съ невольнымъ чувствомъ изумленія окидываемъ мы все это духовное наслѣдство и перелистываемъ страницы жизни и произведеній писателя—этой единственной въ своемъ родѣ книги, названіе которой: Левъ Толстой. И когда мы пересмотримъ цѣльныя, неразрозненныя страницы этой книги творчества Толстого, мы убѣдимся, что изъ всѣхъ повѣстей этой книги, быть-можетъ, самой интересной и поучительной окажется повѣсть о жизни самого автора, а самой грандіозной и глубокой фигурой среди всѣхъ созданныхъ писателемъ лицъ—самъ Л. Толстой.

Собой, своей жизнью Толстой показалъ, до какого величія и до какой силы можетъ дойти человѣкъ; онъ утвердилъ въ насъ *вѣру* въ человѣка и не разъ указывалъ тѣ пути къ совершенству, которые помогаютъ укрѣпляться этой вѣрѣ.

Почти полвѣка Толстой трудился надъ разрѣшеніемъ основного жизненнаго вопроса, сущность котораго была выражена въ 70-ыхъ годахъ извѣстнымъ критикомъ Ник. Конст. Михайловскимъ въ словахъ: «Какъ жить свято?» Высокое понятіе о человѣческой личности, которое внушаетъ примѣръ Толстого, требуетъ отъ каждаго человѣка

неустанной работы надъ собой въ сторону разрѣшенія задачи о смыслѣ жизни, о благѣ жизни. Въ 90-ыхъ годахъ въ одномъ письмѣ Толстой говоритъ: «Смыслъ человѣческой жизни, понятный человѣку, состоитъ въ томъ, чтобы устанавливать царство Божіе на землѣ, т.-е. содѣйствовать замѣнѣ себялюбиваго, ненавистническаго, насильническаго, неразумнаго устройства жизни устройствомъ жизни любовнымъ, братскимъ, свободнымъ и разумнымъ». Толстой указываетъ и свое участіе въ этой задачѣ увеличенія блага въ мірѣ. «Я не исполнилъ,—говоритъ онъ въ другомъ письмѣ,—и одной десятитысячной, это правда, и я виноватъ въ этомъ; но я не исполнилъ не потому, что не хотѣлъ, а потому, что не умѣлъ... Обвиняйте меня, я самъ это дѣлаю, но обвиняйте *меня*, а не тотъ путь, по которому я иду и который указываю тѣмъ, кто спрашиваетъ меня, гдѣ по моему мнѣнію, дорога... Я чувствую, что во мнѣ заложена любовь къ добру и правдѣ и ненависть ко злу и лжи не даромъ; я не могу не выражать ее, не жить во имя ея, а каждый шагъ моей жизни есть борьба со зломъ»...

Цѣлью настоящаго очерка и является затронуть и разобраться въ одномъ изъ многочисленныхъ вопросовъ, относящихся къ изученію Толстого, именно, въ вопросѣ о томъ, какъ понималъ Толстой жизнь, въ чемъ видѣлъ смыслъ и цѣль человѣческаго существованія, какіе пути намѣчалъ онъ (или раскрывалъ въ ученіи Христа, какъ всегда указываетъ Толстой) для достиженія нравственнаго совершенства и истиннаго счастья

людей. Обзоръ нѣкоторыхъ фактовъ жизни, произведеній и писемъ писателя поможетъ намъ, хотя кратко, дать посильный отвѣтъ на поставленные вопросы о смыслѣ жизни,—отвѣтъ, который, можетъ-быть, является важнѣйшимъ (а для самого Толстого навѣрное былъ такимъ) среди всего оставленнаго намъ неисчерпаемаго наслѣдія великаго мыслителя.

2.

Обыкновенно принято, когда рѣчь заходитъ о Толстомъ, дѣлить его дѣятельность на дѣятельность писателя-художника и на совершенно иную будто бы дѣятельность религіознаго мыслителя (именно въ послѣднія десятилѣтія, съ 80-ыхъ годовъ). Ничего не можетъ быть ошибочнѣе такого подраздѣленія. Особенно теперь, когда мы можемъ окинуть *всѣ* произведенія писателя, ясно, насколько цѣльную натуру представлялъ Толстой въ смыслѣ религіозно-нравственныхъ исканій и запросовъ и какъ давно сталъ интересоваться онъ вопросами религіознаго характера. И если безъ предубѣжденія разсматривать всѣ произведенія Толстого, то легко доказать несостоятельность и ошибочность обычнаго взгляда на «двухъ Толстыхъ». Вездѣ у Толстого—въ «Войнѣ и мирѣ» и въ религіозномъ сочиненіи въ родѣ «Въ чемъ моя вѣра»—одно исканіе правды и смысла жизни.

«Великимъ писателемъ русской земли» назвалъ Толстого умирающій Тургеневъ и въ своемъ по-

слѣднемъ письмѣ къ нему и онъ, какъ многіе, заклиналъ его вернуться къ художественной дѣятельности, отреченіе отъ которой Тургеневъ видѣлъ въ томъ, что вмѣсто великихъ произведеній, подобныхъ «Войнѣ и миру» и «Аннѣ Карениной», Левъ Николаевичъ Толстой обратился къ своему «душевному дѣлу» и сталъ писать не какъ художникъ, а какъ писатель-моралистъ и учитель жизни. Но напрасно Тургеневъ предостерегалъ Толстого отъ ложной дороги: Толстой зналъ свой путь. И напрасно Тургеневъ видѣлъ отклоненіе отъ истиннаго призванія писателя: Толстой остался великимъ писателемъ русской земли до послѣднихъ дней, до послѣдняго слова. Тѣ же вопросы и мысли, о которыхъ мы говоримъ теперь, какъ о міросозерцаніи Толстого, вопросы о смыслѣ жизни и смерти, о любви и совершенствованіи,— эти вопросы занимали писателя съ юности до послѣдняго дня жизни. «Какъ бы это выучиться такъ жить, чтобы всегда радоваться другому счастью?»—т.-е. счастью другихъ; научиться этому, утвердиться въ этомъ—всегда было задачею Льва Николаевича, задавшаго себѣ этотъ вопросъ почти полвѣка тому назадъ. Неустанно искалъ онъ раскрытія смысла жизни: «въ чемъ счастье?» «въ чемъ должна состоять наша вѣра?» «что намъ надо дѣлать?» «какая единая заповѣдь жизни?» — вотъ вопросы и вмѣстѣ заглавія его писаній религіозно-нравственнаго характера. Стоитъ лишь внимательно вслушаться въ художественныя произведенія Толстого — и какъ много знакомаго и близкаго къ произведеніямъ послѣднихъ лѣтъ

встрѣтимъ мы въ нихъ! Самъ Левъ Николаевичъ давно сказалъ: «Чѣмъ больше мы отдаемся красотѣ, тѣмъ больше удаляемся отъ добра». Запомнимъ это требованіе добра прежде красоты, и развернемъ любое произведеніе великаго писателя русской земли.

Вотъ предъ нами знаменитая трилогія Толстого «Дѣтство, отрочество, юность», первый литературный опытъ молодого писателя, начало его шестидесятилѣтней дѣятельности.

Уже въ этомъ первомъ произведеніи въ уста Иртеньева Толстой вкладываетъ свои мысли о совершенствованіи. «Подъ вліяніемъ Нехлюдова, - говоритъ Иртеньевъ въ концѣ «Отрочества»,—я невольно усвоилъ и его направленіе, сущность котораго составляло восторженное обожаніе идеала добродѣтели и убѣжденіе въ назначеніи человѣка постоянно совершенствоваться. Тогда исправить все человѣчество, уничтожить всѣ пороки и несчастія людскіе казалось удобоисполнимою вещью, очень легко и просто казалось исправить самого себя, усвоить всѣ добродѣтели и быть счастливымъ»... Мы знаемъ, что въ это вѣрилъ не только шестнадцатилѣтній Иртеньевъ, не только молодой Толстой, авторъ повѣсти, но и въ восемьдесятъ лѣтъ Толстой не потерялъ этой вѣры.

Въ томъ же «Отрочествѣ» читаемъ такое признаніе: «Въ продолженіе года, во время котораго я велъ уединенную, сосредоточенную въ самомъ себѣ, моральную жизнь, всѣ отвлеченные вопросы о назначеніи человѣка, о будущей жизни, о безсмертіи души уже представлялись мнѣ». Нико-

ленькѣ «совѣстно за свое богатство и за бѣдность своихъ друзей... Что же такое, что мы богаты, а они бѣдны? и какимъ образомъ изъ этого вытекаетъ необходимость разлуки? Отчего же намъ не раздѣлить поровну того, что мы имѣемъ!»... Уже здѣсь передъ нами великая совѣсть Толстого, никогда не забывавшаго о необходимости итти нравственно впередъ. Въ Петербургѣ, достаточно уже извѣстный писатель, авторъ «Дѣтства», въ разгаръ легкомысленной петербургской жизни съ ея игрой, кутежами и безсонными ночами (по свидѣтельству Тургенева), Толстой, не забывая своего назначенія, записываетъ въ дневникѣ слѣдующія слова, указывающія на громадную силу его духа и внутреннюю непрекращающуюся работу: «Я рѣшительно счастливъ все это время, упиваясь быстротой моральнаго движенія впередъ»...

Посмотрите, какъ серьезно смотритъ на жизнь юноша Иртеньевъ (самъ авторъ). Послѣ неудачнаго экзамена онъ говоритъ: «Я твердо убѣжденъ, что я уже никогда не буду дѣлать ничего дурного, ни одной минуты не проведу праздно и никогда не измѣню своимъ правиламъ». Этими серьезными словами кончается произведеніе юности: такъ вступаетъ въ жизнь, серьезно и вдумчиво, молодой юноша Иртеньевъ и самъ молодой авторъ. Въ самомъ началѣ своей литературной дѣятельности Толстой уже ставитъ непремѣнное условіе своихъ будущихъ твореній—правдивость. «Герой моей повѣсти, — говоритъ онъ въ «Севастопольскихъ разсказахъ», — котораго я люблю всѣми силами души, котораго старался воспро-

извести во всей красотѣ его, который всегда былъ, есть и будетъ прекрасенъ,—правда». И Толстой показалъ намъ всю правду жизни человѣческой, показалъ, что «не въ силѣ Богъ, а въ правдѣ»...

Иртеньевъ вступилъ въ жизнь и сталъ Дмитріемъ Олениным (въ повѣсти «Казаки»). «Все надо жить,—говоритъ Олешинъ,—но жить наилучшимъ образомъ». Олешинъ задумывается надъ вопросомъ о счастьѣ и рѣшаетъ его по-толстовски»,— «по-христіански», сказалъ бы Толстой: «Счастье въ томъ, чтобы жить для другихъ»... «Вѣдь ничего для себя не нужно, отчего же не жить для другихъ?»

Олешинъ не шаблонный, не пустой баринъ; онъ «жилъ всегда своеобразно и имѣлъ безсознательное отвращеніе къ избитымъ дорожкамъ» (черта самого Толстого). «Для того, чтобы быть счастливымъ, — думаетъ Олешинъ, — надо одно—любить и любить съ самоотверженіемъ, любить всѣхъ и все, *раскидывать на всѣ стороны паутину любви:* кто попадется, того и брать такъ, какъ я поймалъ Ванюшу, дядю Ерошку, Лукашку, Марьянку».

Правда, молодой Олешинъ въ то время, какъ и самъ авторъ, рѣшительно не склоняется къ отрицанію эгоизма. Напротивъ, здѣсь предъ нами широкая, свободная постановка вопросовъ нравственности. Еще въ «Севастопольскихъ разсказахъ» Толстой указываетъ на относительность въ опредѣленіи нравственности, добра и зла: «Гдѣ выраженіе зла, котораго должно избѣгать? Гдѣ выраженіе добра, которому должно подражать въ этой повѣсти? Кто злодѣй, кто герой ея? *Всѣ хороши и*

всѣ дурны»... По разсужденію дяди Ерошки въ «Казакахъ», нѣтъ грѣха въ томъ, чтобы поглядѣть на хорошую дѣвку или любить ее. «На то она сдѣлана, чтобъ ее любить да на нее радоваться». Пока для неустойчиваго Оленина смыслъ въ личномъ счастьѣ. «Все пустяки, что я прежде думалъ: и любовь, и самоотверженіе, и Лукашка. Одно есть счастье: кто счастливъ, тотъ и правъ».

Подобно Оленину, задумывается надъ жизнью и своимъ положеніемъ Нехлюдовъ («Утро помѣщика»), желающій посвятить себя дѣлу служенія и устройства своихъ крестьянъ. Первыя встрѣчи съ мужиками не удовлетворяютъ его, вызываютъ грусть и какую-то усталость и особенное чувство, похожее на стыдъ. Нехлюдовъ стыдится своего барства, недоволенъ собой и завидуетъ простотѣ крестьянской жизни.

Вмѣстѣ со своими героями Толстой какъ бы нащупываетъ путь жизни и не перестаетъ свои исканія изображать въ художественныхъ произведеніяхъ. Въ поискахъ истины томятся Нехлюдовъ и Оленинъ. Мирная жизнь смѣняется картинами войны, ужасами севастопольской обороны, гдѣ предъ нами одна сплошная война и кровь, пора безъ мира и покоя. Предъ нами, вмѣстѣ съ тѣмъ, борьба и въ душѣ самого автора, медленно и съ усиліемъ, но твердо идущаго по пути къ внутренней свободѣ и разумному міропониманію.

«Казаки» и другіе очерки какъ бы подготовляютъ насъ къ воспріятію крупнѣйшихъ произве-

деніи Толстого. Неустанная внутренняя работа приводитъ Толстого въ 60-е годы, въ пору полнаго расцвѣта его художественнаго генія, къ созданію тѣхъ великихъ произведеній, въ которыхъ отражается во весь ростъ писатель, гдѣ мы видимъ уже опредѣленное и величественное міропониманіе, гдѣ предъ нами «религія жизни».

Высшіе пункты творчества Толстого—«Война и миръ» и «Анна Каренина».

Въ самомъ началѣ шестидесятыхъ годовъ мы застаемъ Толстого въ расцвѣтѣ физическихъ и умственныхъ силъ, счастливымъ семьяниномъ. Его жизнь въ это время кипуча и разнообразна; онъ выступаетъ мировымъ посредникомъ, адвокатомъ въ одномъ частномъ процессѣ, живетъ въ своемъ имѣніи Ясная Поляна жизнью трудовой и близкой къ природѣ; кромѣ того, онъ организуетъ яснополянскую школу, издаетъ журналъ и работаетъ надъ вопросами дѣтскаго обученія.

Въ то же время продолжается и его внутренняя работа, которая выражается въ литературныхъ занятіяхъ. Ни женитьба, ни педагогическая дѣятельность, ни хозяйство не прервали и не ослабили кипучей умственной работы Толстого, не пріостановили его пытливыхъ исканій (иначе Толстой пересталъ бы быть самимъ собою). Эти исканія выразились въ «Войнѣ и мирѣ», позже въ «Аннѣ Карениной». Какъ же отразилось въ нихъ міросозерцаніе Толстого, что дали эти великія произведенія для раскрытія смысла жизни и что открыли они человѣчеству.

3.

Полная картина человѣческой жизни. Полная картина тогдашней Россіи. Полная картина того, что называется исторіей и борьбой народовъ. Полная картина всего, въ чемъ люди полагаютъ свое счастье и величіе, свое горе и униженіе. Вотъ что такое «Война и миръ».—Таковъ отзывъ о знаменитомъ романѣ одного изъ восторженныхъ и умныхъ критиковъ—почитателей Толстого, Н. Н Страхова. Если мы и признаемъ этотъ отзывъ преувеличеннымъ, если мы согласимся, что не всѣ части романа равны по цѣнности, что въ немъ есть недостатки, то все-таки мы должны признать, что предъ нами великое произведеніе. Если бы романъ дошелъ до насъ изъ сѣдой старины, изъ временъ доисторическихъ и былъ отдѣленъ отъ насъ не полувѣкомъ, а тысячелѣтіемъ, мы могли бы сомнѣваться въ томъ, что это произведеніе создано однимъ лицомъ, подобно тому, какъ отвергается теперь единоличное авторство Гомера въ «Иліадѣ» и «Одиссеѣ»; не даромъ «Воіну и миръ» называютъ Иліадой XIX вѣка. Вѣдь въ романѣ болѣе ста лицъ, и какіе образы даны намъ среди этой громадной галлереи типовъ! Вотъ князь Андрей Болконскій и Пьеръ Безуховъ, холодный скептикъ и наивный мечтатель, оба ищущіе смысла жизни, ищущіе Бога; въ обоихъ со всей своей искренностью Толстой выразилъ двѣ стороны своего собственнаго духа, два момента своей духовной жизни—борьбу съ эгоистическимъ началомъ

17
Т-53 с. ж

и стремленіе къ жизненной правдѣ и простотѣ. Остановимся на этихъ двухъ лицахъ романа.

Кн. Андрей Болконскій признаетъ только два несчастія въ жизни: угрызеніе совѣсти и болѣзнь; отсутствіе этихъ золъ есть благо. «Единственное счастье,—говоритъ онъ въ спорѣ съ Пьеромъ,—есть счастье животное», т.-е. только одна личная жизнь. Но именно одно изъ золъ, болѣзнь, медленно видоизмѣняетъ его мысли въ другую сторону. На Аустерлицкомъ полѣ раненый кн. Андрей, какъ бы освобождаясь изъ скорлупы личной жизни, видитъ необъятное небо: «Какъ же я не видалъ прежде этого высокаго неба? и какъ я счастливъ, что узналъ его наконецъ»... Душа его расширяется въ приближеніи смерти, выходитъ изъ его личности: *умереть — значитъ мнѣ, частицѣ любви, вернуться къ общему и вѣчному источнику—Богу, Который есть любовь и жизнь.* Такъ борется эгоизмъ и себялюбіе самого автора съ религіознымъ голосомъ совѣсти.

Эта совѣсть, побуждающая искать истину, очень тонка въ Пьерѣ. Онъ — на сторонѣ дѣятельной любви (будущій декабристъ), онъ давно покинулъ себялюбіе, говоритъ о самопожертвованіи, и безконечно счастливъ, когда встрѣчается съ Платономъ Каратаевымъ. Онъ вѣритъ въ царство правды въ мірѣ, въ то, что временно люди—дѣти земли, а вѣчно—дѣти всего міра, вѣритъ въ то, что онъ часть огромнаго гармоническаго цѣлаго (это *чувствуетъ* Каратаевъ), что онъ звено, ступень отъ низшихъ существъ къ высшимъ, и что онъ не можетъ исчезнуть безслѣдно.

Научная библиотека
Уральского
Государственного
Университета

«Пьеръ,—разсказываетъ намъ авторъ,—долго въ своей жизни искалъ съ разныхъ сторонъ успокоенія — согласія съ самимъ собою; онъ искалъ этого въ филантропіи, масонствѣ, разсѣянности свѣтской жизни, въ винѣ, въ геройскомъ подвигѣ самопожертвованія, въ романтической любви къ Наташѣ; онъ искалъ этого путемъ мысли, и всѣ эти исканія и попытки—всѣ обманули его». «Пьеръ вспоминаетъ разсказы о томъ, какъ на войнѣ солдаты, находясь подъ выстрѣлами въ прикрытіи, когда имъ дѣлать нечего, старательно изыскиваютъ себѣ занятіе для того, чтобы легче переносить опасность. И Пьеру всѣ люди представлялись такими солдатами, *спасающимися отъ жизни:* кто честолюбіемъ, кто картами, кто писаніемъ законовъ, кто лошадьми, кто политикой, кто виномъ, кто государственными дѣлами»...

Такъ думалъ и наблюдалъ Пьеръ, въ своихъ исканіяхъ все болѣе приближаясь къ истинному пониманію жизни; все болѣе возвышаясь душою, Пьеръ убѣждается окончательно въ томъ, что важно и истинно не тѣлесное, а духовное (постоянная мысль Толстого); съ этой точки зрѣнія мелкими и ничтожными кажутся самые великіе интересы міра и его борьба, если сущность этой борьбы—пріобрѣтеніе и увеличеніе не духовныхъ, а земныхъ богатствъ и цѣнностей. Объ этомъ съ замѣчательной силой говоритъ та сцена въ романѣ (быть-можетъ, самая глубокая изъ когда-либо написанныхъ Толстымъ страницъ), гдѣ кн. Андрей, въ разгаръ отъѣзда изъ Лысыхъ Горъ, среди думъ о грандіозной войнѣ, вдругъ видитъ

въ саду двухъ дѣвочекъ со сливами въ подолахъ, которыя онѣ нарвали съ оранжерейныхъ деревьевъ; разсыпались сливы, испугались и убѣжали дѣвочки, и кн. Андрей увидалъ, какъ чужды имъ Наполеонъ и Кутузовъ, и война, и кровь, и завоеваніе міра; у нихъ совсѣмъ иные интересы: пережить минуту наслажденія, полакомиться барскими сливами. И кто знаетъ, что важнѣе, что ближе къ правдѣ жизни: міровая война народовъ или страсть къ сливамъ двухъ деревенскихъ дѣвочекъ? «Гдѣ выраженіе зла, гдѣ выраженіе добра?..» Въ чемъ жизнь, не всюду ли она, не вѣрно ли, что предъ ея лицомъ нѣтъ великаго и малаго, но все и всѣ равны? И въ своей глубочайшей сущности не тотъ же ли взглядъ на благо и гармонію жизни,—взглядъ, и день заботъ и тьмы приходъ одинаково встрѣчающій открыто, выразилъ великій предшественникъ Толстого Пушкинъ въ своемъ «Евгеніи Онѣгинѣ»?..

Такъ кн. Андрей и Пьеръ, вмѣстѣ съ авторомъ, ищутъ все глубже смыслъ жизни.

Выясненію и рѣшенію вопросовъ, поставленныхъ въ романѣ, помогаютъ и всѣ другія лица: и милая, такая близкая и родная намъ Наташа, и графиня Марья, «душа которой всегда стремилась къ безконечному, вѣчному и совершенному, и потому никогда не могла быть покойна» (черта самого автора), и много другихъ лицъ — десятки ихъ проходятъ предъ нами, чтобы засвидѣтельствовать основную истину романа, что *пыть величія тамъ, гдѣ пыть простоты, добра и правды.*

Выразителемъ этой истины является одно изъ незамѣтныхъ лицъ — солдатъ Платонъ Каратаевъ, къ которому все приходитъ въ грандіозномъ романѣ, къ ногамъ котораго склоняются не только князь Андрей, Пьеръ, ничтожный Наполеонъ, приближающійся къ Каратаеву, сѣдой Кутузовъ, но и самъ авторъ, признавшій разъ навсегда Каратаева идеаломъ любви и носителемъ истины и простоты, и потому великимъ. Платонъ Каратаевъ—истинный центръ всего романа.

«Привязанностей, дружбы, любви,—говоритъ о немъ авторъ романа,—какъ понималъ ихъ Пьеръ, Каратаевъ не имѣлъ никакихъ; но онъ любилъ и любовно жилъ со всѣмъ, съ чѣмъ его сводила жизнь, и въ особенности съ человѣкомъ—не съ извѣстнымъ какимъ-нибудь человѣкомъ, а съ тѣми людьми, которые были передъ его глазами. Онъ любилъ свою шавку, любилъ товарищей, французовъ, любилъ Пьера, который былъ его сосѣдомъ; но Пьеръ чувствовалъ, что Каратаевъ, несмотря на всю свою ласковую нѣжность къ нему (которою онъ невольно отдавалъ должное духовной жизни Пьера), ни на минуту не огорчился бы разлукой съ нимъ»...

Въ Каратаевѣ, послѣ *войны* съ жизнью, авторъ находитъ *миръ*, въ этомъ простомъ крестьянинѣ, представителѣ «христіанскаго» быта. Это христіанское, *каратаевское* противопоставлено въ романѣ другому началу—*наполеоновскому*, такъ далекому отъ простоты и отъ истины. Спокойно выражаетъ Каратаевъ свое міросозерцаніе: «Не тужи, дружокъ,—утѣшаетъ онъ Пьера въ плѣну,—часъ тер-

пѣть, а вѣкъ жить! Вотъ такъ-то, милый мой. А живемъ тутъ, слава Богу, обиды нѣтъ. *Тоже люди и худые и добрые есть*», выражаетъ Каратаевъ свое широкое пониманіе жизни.

«Платонъ Каратаевъ остался навсегда въ душѣ Пьера самымъ сильнымъ и дорогимъ воспоминаніемъ и олицетвореніемъ всего русскаго, добраго и круглаго», говоритъ Толстой. «Каждое слово его и каждое дѣйствіе было проявленіемъ неизвѣстной ему дѣятельности, которая была его жизнь. *Но жизнь его, какъ онъ самъ смотрѣлъ на нее, не имѣла смысла, какъ отдѣльная жизнь, а имѣла смыслъ только какъ частица цѣлаго (Бога), которое онъ постоянно чувствовалъ*».

Это раствореніе личности въ Богѣ изображено въ снѣ Пьера Безухова, въ которомъ ему снилась поверхность шара, состоящая изъ капель, плотно сжатыхъ между собой. Каждая капля стремилась разлиться, захватить наибольшее пространство... Въ серединѣ Богъ, и каждая капля стремится, расширившись, въ наибольшихъ размѣрахъ отразить Его, и растетъ и сливается, сжимается и растворяется въ другихъ капляхъ... Каратаевъ живетъ общей жизнью всѣхъ людей, всего человѣчества, и личной жизни, личныхъ привязанностей у него нѣтъ.

Бодрое настроеніе Каратаева и его пониманіе жизни передаются Пьеру, постепенно осмысливая его жизнь. «Въ плѣну, въ балаганѣ, Пьеръ узналъ не умомъ, а всѣмъ существомъ своимъ, жизнью, что человѣкъ сотворенъ для счастья, что счастье въ немъ самомъ, въ удовлетвореніи естественныхъ,

человѣческихъ потребностей, и что все несчастье происходитъ не отъ недостатка, а отъ излишка; по теперь, въ эти три послѣднія недѣли похода, онъ узналъ еще новую, утѣшительную истину,—онъ узналъ, что на свѣтѣ нѣтъ ничего страшнаго. Онъ узналъ, что какъ нѣтъ на свѣтѣ положенія, въ которомъ бы человѣкъ былъ счастливъ и вполнѣ свободенъ, такъ и нѣтъ положенія, въ которомъ бы онъ былъ несчастливъ и несвободенъ»... И Пьеръ понялъ, что такое внутренняя свобода, и онъ испыталъ ее именно въ плѣну, когда однажды его не пустили черезъ дорогу къ плѣннымъ солдатамъ, съ которыми онъ хотѣлъ поговорить. «Ха-ха-ха!—смѣялся Пьеръ. И онъ проговорилъ вслухъ самъ съ собою:—Не пустилъ меня солдатъ. Поймали меня, заперли меня. Въ плѣну держатъ меня. Кого? Меня? Меня? Меня—мою безсмертную душу! Ха-ха-ха!..—смѣялся онъ съ выступившими на глаза слезами. Пьеръ взглянулъ въ небо, въ глубь уходящихъ, играющихъ звѣздъ.—И все это мое, и все это во мнѣ, и все это я!—думалъ Пьеръ.—И все это они поймали и посадили въ балаганъ, загороженный досками!» Онъ улыбнулся и пошелъ укладываться спать къ своимъ товарищамъ».

Пьеръ близокъ здѣсь къ Каратаеву, вся фигура котораго обвѣяна удивительной прелестью и симпатіей. Какъ-то незамѣтно сходитъ со сцены этотъ солдатикъ. Вотъ онъ, уже больной, разсказываетъ свою любимую трогательную исторію о невинно пострадавшемъ купцѣ, обвиненномъ въ убійствѣ, котораго «Богъ сыскалъ» и Богъ простилъ раньше, чѣмъ простили люди. Вотъ послѣдній разъ

мелькаетъ лицо отставшаго Каратаева и слышится выстрѣлъ солдата, его пристрѣлившаго. «Жизнь есть все,—думаетъ Пьеръ.—Жизнь есть Богъ. Все перемѣщается и движется, и это движеніе есть Богъ. И пока есть жизнь, есть наслажденіе самосознанія Божества. Любить жизнь, любить Бога. Труднѣе и блаженнѣе всего любить эту жизнь въ своихъ страданіяхъ, въ безвинности страданій.—Каратаевъ! вспомнилось Пьеру»...

Такъ, во время плѣна раскрывается для Пьера смыслъ жизни, такъ уясняется этотъ смыслъ, во время писанія романа, и для самого Толстого, который нашелъ и выразилъ съ рѣдкой глубиной въ Каратаевѣ то любовное и кроткое, и вмѣстѣ простое отношеніе къ жизни и къ людямъ, которое Толстой называлъ *религіознымъ* и единственно разумнымъ отношеніемъ.

Таково міросозерцаніе Каратаева, идеалъ, къ которому пришелъ Толстой: смыслъ жизни въ отреченіи отъ эгоизма и въ увеличеніи любви ко всѣмъ людямъ, ко всему живущему; «я» и «ты», я и другой—это одно и то же, это двѣ стороны одного и того же бытія—Бога.

Въ кн. Андреѣ и Пьерѣ авторъ отражаетъ нѣкоторыя стороны своихъ собственныхъ настроеній и переживаній: барство, честолюбіе, эгоизмъ, съ которыми борется подъ конецъ Андрей Болконскій, и исканія истины, постоянная внутренняя работа надъ собой у Пьера Безухова—вотъ громадные результаты внутренней жизни Толстого за 60-е годы, и это еще лишній разъ указываетъ,

что такъ называемый переворотъ уже былъ налицо и развивался.

Но кн. Андрей и Пьеръ еще и историческія лица начала вѣка и художественныя созданія; въ лицѣ же Платона Каратаева предъ нами всецѣло типъ идеальный, всерусскій, національный, не связанный съ эпохой; это не только художественный обликъ, но прежде всего выраженіе идеи и идеаловъ автора, результатъ его исканій истины; здѣсь—выясненіе религіи любви. И заставивъ всѣхъ склониться предъ этимъ незамѣтнымъ солдатикомъ, такъ незамѣтно и пришедшимъ и исчезнувшимъ, заставивъ восторжествовать начало каратаевское надъ началомъ наполеоновскимъ, Толстой и самъ склоняется передъ этимъ непостижимымъ, круглымъ и вѣчнымъ олицетвореніемъ духа простоты и правды.

Слѣдующее грандіозное произведеніе Толстого—«психологическій романъ»—«Анна Каренина», законченный въ 1877 г. Едва ли не такіе же глубокіе вопросы затрогиваетъ этотъ романъ, какъ и первый—«Война и миръ». Съ геніальной простотой, ибо все великое просто, далъ намъ писатель широкую картину оскудѣнія дворянства, того «средне-высшаго», по выраженію Достоевскаго, класса, который былъ такъ хорошо знакомъ Толстому. Какъ ни интересенъ разборъ этой изображенной въ романѣ жизни, мы не остановимся на немъ; не остановимся и надъ выясненіемъ той грозной надписи, которую встрѣчаемъ мы при всту-

пленіи въ это созданіе толстовскаго генія: «Мнѣ отмщеніе, и Азъ воздамъ». Кому и за какую вину воздается? Конечно, Аннѣ; за ея ли собственный грѣхъ и любовь къ Вронскому, или, наоборотъ, за то, что она такъ долго жила съ Алексѣемъ Александровичемъ Карениным, насилуя свою живую природу и живую любовь къ Вронскому; за то ли отмщеніе, что она дѣлаетъ несчастными окружающихъ, и прежде всего своего мужа, который возбуждаетъ въ насъ постепенно уже не презрѣніе, а жалость?

Вся бытовая сторона романа имѣетъ свой собственный интересъ и смыслъ. Но для интересующаго насъ вопроса: какъ и гдѣ именно въ романѣ выражаетъ Толстой свое міровоззрѣніе и гдѣ глубже всего затрогивается общій вопросъ о смыслѣ и цѣли жизни,—для этого мы должны обратиться особенно къ одному лицу романа. Исканія истины отражены въ Константинѣ Левинѣ, и мы обращаемся къ нему, т.-е. къ самому Толстому, близость котораго къ Левину слишкомъ очевидна. Очевидно, и совпаденіе этихъ исканій съ эпохой 70-хъ годовъ: основныя черты этого десятилѣтія—покаяніе и народничество—выражаются именно въ Левинѣ. Онъ *долженъ* себя оправдать, иначе онъ не можетъ спокойно существовать. Несмотря на свое неопредѣленное, неясное вначалѣ, отношеніе къ народу, Левинъ чувствуетъ тяготѣніе къ нему, вину предъ нимъ, грѣхъ своего барства. Разрѣшеніе мучительныхъ вопросовъ, какъ всегда у Толстого, является сразу, какъ внезапный свѣтъ во тьмѣ. Смерть Николая Левина (единственная

глава въ романѣ съ заглавіемъ «Смерть»), какъ и у самого Толстого, даетъ направленіе мыслямъ Левина о жизни. И вотъ въ концѣ романа мы находимъ знаменательный разговоръ Левина съ мужикомъ. «Люди разные есть,—говоритъ Ѳедоръ:—одинъ человѣкъ только для нужды своей живетъ, хоть бы Митюха, только брюхо набиваетъ, а Ѳоканычъ—правдивый старикъ. Онъ для души живетъ. Бога помнитъ».—«Какъ Бога помнитъ? Какъ для души живетъ?» почти вскрикнулъ Левинъ. «Извѣстно какъ, по правдѣ, по-Божью»... При словахъ мужика о томъ, что Ѳоканычъ живетъ для души, по правдѣ, по-Божью, неясныя, но значительныя мысли толпою какъ будто вырвались откуда-то иззаперти и, всѣ стремясь къ одной цѣли, закружились въ его головѣ, ослѣпляя его своимъ свѣтомъ»...

Во многихъ подробностяхъ и настроеніи Левина и въ его *обращеніи*, въ пониманіи религіознаго отношенія къ жизни, какъ единственно допустимаго для разумнаго человѣческаго существа, вездѣ уже ясно выступаютъ основные мысли и факты «Исповѣди», которую Толстой началъ писать вскорѣ послѣ окончанія романа.

Можно отмѣтить, что и самый конецъ романа въ отношеніи Левина, его отрицательное отношеніе къ дѣлу славянъ и ихъ освобожденію войной, очень знаменательны для того времени. По глубокому и интересному замѣчанію одного изъ историковъ литературы (Иванова-Разумника), здѣсь можно видѣть первый шагъ къ отрицанію «противленія злу насиліемъ». Этотъ пунктъ, одинъ

изъ важнѣйшихъ въ дальнѣйшемъ моральномъ ученіи Толстого, «опрощеніе» Левина, его искания—все это уже вплотную придвигаетъ насъ къ «Исповѣди», къ богословскимъ сочиненіямъ писателя, къ обоснованію его религіозно-народническаго ученія въ 80-е годы. Здѣсь Толстой предъ нами уже въ своей знаменитой блузѣ, съ Евангеліемъ въ карманѣ, уже не графъ Толстой, а завоевывающій себѣ неслыханную дотолѣ, всемірную славу Левъ Толстой (хотя все тотъ же неизмѣнный внутренно искатель истины).

Эта внутренняя работа надъ собой и надъ вопросами о смыслѣ жизни отражается не только въ художественныхъ произведеніяхъ писателя. Эту цѣльную, несмотря на разнообразіе, работу видимъ мы и въ письмахъ Толстого въ продолженіе пятидесяти лѣтъ. Во всемъ обликѣ, во всей натурѣ великаго писателя — глубочайшее единство. И когда окинемъ мы все это наслѣдіе, оставленное Толстымъ человѣчеству, когда вспомнимъ его послѣдній жизненный шагъ—отъ Ясной Поляны до станціи Астапово,—стоитъ предъ нами Толстой, со всѣми своими исканіями, истиной и любовью, со всей тревожной и бурной натурой человѣка, всегда идущаго впередъ, какъ единое, неразрывное, одинъ Толстой, все тотъ же — двадцатипятилѣтній офицеръ въ началѣ сознательной жизни, въ началѣ писательства, и 82-лѣтній умирающій старикъ,—какъ одна глыба ослѣпительно бѣлаго мрамора, изваянная жизнью и данная человѣчеству, какъ великій символъ чистой, незапятнанной совѣсти.

Съ окончаніемъ «Анны Карениной» въ 1877 г. Толстой какъ бы пріостанавливаетъ свою художественную дѣятельность, углубляясь исключительно въ разрѣшеніе религіозно-нравственныхъ вопросовъ. Кругъ исканій и воплощеній своихъ мыслей въ художественную форму какъ бы завершонъ; на самомъ дѣлѣ лишь на время пріостановлена эта художественная дѣятельность, чтобы сначала окончательно уяснить религіозное міропониманіе и отношеніе къ міру и къ людямъ.

Что это именно такъ, доказываетъ послѣдующая литературная дѣятельность писателя: какъ только возникаетъ надобность изобразить и утвердить какую-нибудь выработанную мысль, Толстой возвращается къ художественной формѣ; напримѣръ, вопросы пола и семейныхъ отношеній изображаетъ онъ въ «Крейцеровой сонатѣ», свое отрицательное и рѣзко-негодующее отношеніе къ «свѣту» и пустотѣ высшаго общества Толстой ярко выражаетъ въ ядовитой комедіи «Плоды просвѣщенія». И, выдвигая на первый планъ вопросы о смерти и безсмертіи, о Богѣ, о любви и счастіи, Толстой остается тѣмъ же великимъ художникомъ и великимъ геніемъ.

4.

Вопросы о смыслѣ жизни съ самаго начала неразрывно были связаны у Толстого съ вопросами о смерти. Разъ человѣкъ живетъ не только физически, но и духовной жизнью, разъ его духовная сущность остается послѣ смерти, естественно по-

ставить вопросъ о томъ, каковъ смыслъ смерти, каково должно быть истинное отношеніе къ ней. Нѣтъ у Толстого произведенія, гдѣ бы не было, кажется, хотя нѣсколькихъ словъ о смерти или ея изображенія. И страхъ смерти, неразрывный съ жизнью, не чуждъ былъ, конечно, и самому писателю: онъ чувствовалъ, что не можетъ онъ свободно разсуждать объ истинной жизни, пока есть страхъ смерти, пока не рѣшенъ вопросъ о ней. Этотъ вопросъ мы видимъ въ изображеніи смерти Андрея Болконскаго и особенно—Платона Каратаева, смерти тихой, незамѣтной, не печальной, не трагической, главное — не страшной. Эти вопросы о смерти особенно поднялись въ Толстомъ въ періодъ «Анны Карениной» и «Исповѣди».

Впрочемъ, уже за 20 лѣтъ до признаній «Исповѣди», въ письмѣ къ своей теткѣ, Александрѣ Андреевнѣ Толстой, Левъ Николаевичъ говоритъ такъ о своихъ раннихъ религіозныхъ исканіяхъ: «Ребенкомъ я вѣрилъ горячо, сентиментально и необдуманно, потомъ, лѣтъ 14-ти, сталъ думать о жизни вообще, и наткнулся на религію, которая не подходила подъ мои теоріи, и, разумѣется, счелъ за заслугу разрушать ее. Безъ нея мнѣ было очень покойно жить лѣтъ десять. Все открывалось передо мной ясно, логично, подраздѣлялось, и религіи не было мѣста. Потомъ пришло время, что все стало открыто, тайнъ въ жизни больше не было, но сама жизнь начала терять свой смыслъ. Въ это же время я былъ одинокъ и несчастливъ, живя на Кавказѣ. Я сталъ думать такъ, какъ только разъ въ жизни люди имѣютъ

силу думать. У меня есть мои записки того времени, и теперь, перечитывая ихъ, я не могъ понять, чтобы человѣкъ могъ дойти до такой степени умственной экзальтаціи, до которой я дошелъ тогда. Это было и мучительное и хорошее время. Никогда, ни прежде, ни послѣ, я не доходилъ до такой высоты мысли, не заглядывалъ туда, какъ въ это время, продолжавшееся два года. И все, что я нашелъ тогда, навсегда останется моимъ убѣжденіемъ. Я не могу иначе. Изъ двухъ лѣтъ умственной работы я нашелъ простую, старую вещь, но которую я знаю такъ, какъ никто не знаетъ, — я нашелъ, что есть безсмертіе, что есть любовь и что жить надо для другого, для того, чтобы быть счастливымъ вѣчно. Эти открытія удивили меня сходствомъ съ христіанской религіей, и я вмѣсто того, чтобы открывать самъ, сталъ искать ихъ въ Евангеліи, но нашелъ мало. Я не нашелъ ни Бога, ни Искупителя, ни таинствъ, ничего; а искалъ всѣми, всѣми, всѣми силами души, и плакалъ, и мучился, и ничего не желалъ, кромѣ истины» (1859 г.).

Въ своей «Исповѣди»—интереснѣйшемъ и глубочайшемъ очеркѣ исканій человѣческихъ — Толстой подробно говоритъ о внутренней работѣ, приведшей къ истинному познанію смысла жизни.

«Я былъ крещенъ,—начинается сочиненіе Толстого,—и воспитанъ въ православной христіанской вѣрѣ. Меня учили ей съ дѣтства и во все время моего отрочества и юности. Но когда я въ 18 лѣтъ вышелъ со второго курса университета, я не вѣрилъ уже ни во что изъ того, чему меня учили».

Толстой не остался при такомъ безвѣріи. Одной внѣшней вѣры или сплошного отрицанія, въ которое онъ, какъ видимъ, вскорѣ перешелъ, было недостаточно для его вѣчно ищущей, пытливой натуры, и вотъ онъ неустанно ищетъ той опоры, которая осмыслила бы его жизнь. Въ 50-ые, 60-ые годы онъ исповѣдуетъ, подобно всѣмъ, «религію прогресса», но эта вѣра скоро перестаетъ его удовлетворять; онъ замѣчаетъ, что то, что для однихъ есть прогрессъ, для другого взгляда есть совсѣмъ обратное. Видѣнное въ Парижѣ зрѣлище смертной казни и смерть любимаго брата, какъ извѣстно, окончательно стираютъ въ немъ эту вѣру шаблонной культуры,—вѣру въ смыслъ и фактъ разумнаго развитія и шествія жизни впередъ. Послѣ ряда лѣтъ, когда какъ бы на время забылись эти мучительные вопросы, они возникли съ новой силой. «Среди моихъ мыслей о хозяйствѣ,—разсказываетъ Толстой,— которыя очень занимали меня въ то время, мнѣ вдругъ приходилъ въ голову вопросъ: ну, хорошо, у тебя будетъ 6000 десятинъ въ Самарской губерніи, 300 головъ лошадей, а потомъ?.. Или, начиная думать о томъ, какъ я воспитаю дѣтей, я говорилъ себѣ: зачѣмъ?.. И я совершенно опѣшивалъ и не зналъ, что думать дальше... Я почувствовалъ, что то, на чемъ я стоялъ, подломилось, что мнѣ стоять не на чемъ, что того, чѣмъ я жилъ, уже нѣтъ, что мнѣ нечѣмъ жить».

Толстой оказывается въ положеніи путника изъ восточной басни, застигнутаго въ степи разъяреннымъ звѣремъ: спасаясь отъ звѣря, путникъ

вскакиваетъ въ безводный колодецъ, на днѣ котораго видитъ дракона, разинувшаго пасть, чтобы пожрать его; путникъ держится за вѣтви дикаго куста, растущаго въ расщелинѣ колодца, и видитъ, какъ двѣ мыши — бѣлая и черная (день и ночь)—подтачиваютъ этотъ кустъ. И несмотря на опасность, онъ все же на время утѣшается каплями меда, найденными на листьяхъ куста, и лижетъ ихъ.

Ни въ людяхъ ни въ наукахъ не находилъ Толстой отвѣта. И онъ близокъ къ самоубійству: онъ прячетъ отъ себя шнурокъ, чтобы не повѣситься на перекладинѣ между шкапами въ своей комнатѣ; онъ перестаетъ ходить съ ружьемъ на охоту, чтобы не соблазниться слишкомъ легкимъ способомъ избавленія себя отъ жизни.

«И это,—говоритъ Толстой,—сдѣлалось со мной въ то время, когда со всѣхъ сторонъ было у меня то, что считается совершеннымъ счастьемъ, это было тогда, когда мнѣ не было пятидесяти лѣтъ. У меня была добрая, любящая и любимая жена, хорошія дѣти и большое имѣніе, которое безъ труда съ моей стороны росло и увеличивалось. Я былъ уважаемъ близкими и знакомыми болѣе, чѣмъ когда-нибудь прежде, былъ восхваляемъ чужими и могъ считать, что имя мое славно, безъ особеннаго самообольщенія. При этомъ я не только не былъ помѣшанъ или духовно нездоровъ,—напротивъ, пользовался силой и духовной и тѣлесной, какую я рѣдко встрѣчалъ въ своихъ сверстникахъ: тѣлесно я могъ работать на покосахъ, не отставая отъ мужиковъ, умственно я

могъ работать по 8—10 часовъ подъ рядъ, не испытывая отъ такого напряженія никакихъ послѣдствій. И въ такомъ положеніи я пришелъ къ тому, что не могъ жить, и, боясь смерти, долженъ былъ употреблять хитрости противъ себя, чтобы не лишить себя жизни». И дальше Толстой описываетъ свое тяжелое душевное настроеніе того времени. «Душевное состояніе выразилось такъ для меня: жизнь моя есть какая-то кѣмъ-то сыгранная надо мною глупая и злая шутка. Несмотря на то, что я не признавалъ «кого-то», который меня сотворилъ, эта форма представленія, что кто-то надо мной подшутилъ зло и глупо, произведя меня на свѣтъ, была самая естественная форма представленія. Невольно мнѣ представлялось, что тамъ, гдѣ-то, есть кто-то, который теперь потѣшается, глядя на меня, какъ я цѣлыхъ 30—40 лѣтъ жилъ, учась, развиваясь, возрастая тѣломъ и духомъ: и какъ я теперь, совсѣмъ окрѣпнувъ умомъ, доїдя до той вершины жизни, съ которой открывается вся она,—какъ я дуракъ-дуракомъ стою на этоїй вершинѣ, ясно понимая, что ничего въ жизни нѣтъ, и не было, и не будетъ. А ему смѣшно»...

И вотъ, послѣ тяжкаго искуса, разумное знаніе привело Толстого къ признанію того, что жизнь безсмысленна, — «жизнь моя остановилась, и я хотѣлъ уничтожить себя. Оглянувшись на людеї, на все человѣчество, я увидѣлъ, что люди живутъ и утверждаютъ, что знаютъ смыслъ жизни. На себя оглянулся я: я жилъ, пока зналъ смыслъ жизни. Какъ другимъ людямъ, такъ и мнѣ смыслъ

жизни и возможность жизни давала вѣра». И Толстой обращается отъ образованныхъ людей, не удовлетворяющихъ его, къ простому народу: «жизнь всего трудящагося народа, всего человѣчества, творящаго жизнь, представлялась мнѣ въ ея настоящемъ значеніи; я понялъ, что это—сама жизнь, и что смыслъ, придаваемый этой жизни, есть истина, и я принялъ его».

Это обращеніе къ простонародью, поворотъ къ демократизму, разсужденіе о жизни всего трудящагося народа станутъ понятны вполнѣ, какъ и вся «Исповѣдь», тогда, когда мы вспомнимъ, что именно въ это время окончательно складывается извѣстное отношеніе Толстого къ культурѣ и просвѣщенію, во многомъ напоминающее взгляды его великаго предшественника — Руссо. Пятнадцатилѣтнимъ мальчикомъ Толстой уже носитъ на груди медальонъ съ изображеніемъ французскаго писателя; онъ всю жизнь съ глубокимъ уваженіемъ относится къ Руссо, и вліяніе его на Толстого несомнѣнно. Руссо, какъ позже Толстой, возсталъ—открыто и рѣзко—противъ лжи и условностей современной ему культуры въ половинѣ XVIII столѣтія.

По мнѣнію Руссо, науки и искусства не способствовали улучшенію нравовъ; они даютъ умственный и физическій комфортъ, роскошь, удобства жизни, но эта роскошь, какъ и жизнь людей, сосредоточена въ городахъ. Люди, добрые по своей природѣ, давно испорчены лживой культурой городовъ; имъ невѣдомо истинное счастье, потому что человѣкъ счастливъ только тогда, когда онъ въ общеніи съ природой и близокъ къ ней, а отъ

природы далеки люди. Они не свободны, такъ какъ опутаны цѣлымъ рядомъ предразсудковъ: они признаютъ собственность, признаютъ раздѣленіе на классы и сословія; простонародье въ современномъ государствѣ (которое должно быть демократическимъ по образу правленія) въ пренебреженіи, тогда какъ оно—соль земли, оно не испорчено еще культурой. Люди слишкомъ надѣются на холодный разумъ, но его далеко недостаточно; религія разума, признаваемая мѣриломъ всего, недостаточна, суха и мертва, а также ненадежна, и этой религіи Руссо противопоставляетъ *религію сердца*. Въ полномъ согласіи съ начавшимся тогда общимъ направленіемъ—чувствительнымъ, или сентиментальнымъ, Руссо требуетъ прежде всего простоты; воспитывать ребенка надо сообразуясь съ его природными наклонностями, потому что всемогущая и великая природа никогда не обманетъ. Сердце—не разумъ—возбудитъ въ ребенкѣ въ свое время любовь къ природѣ и ея красотамъ, оно же подскажетъ ему и любовь къ людямъ; наблюденія надъ природой и жизнь вблизи ея дадутъ ребенку и первыя неясныя, но вѣрныя понятія о Создателѣ міра. Служеніе же ложной наукѣ, исключительная вѣра въ нее, душная жизнь городовъ, далекая отъ природы и, наконецъ, основное зло современной жизни—неравенство людей—все это портитъ человѣка, свободнымъ и добрымъ вышедшаго изъ рукъ Творца.

Бурнымъ потокомъ пронеслось по всей Европѣ это смѣлое ученіе одного изъ предтечъ французской революціи. Вліяніе Руссо проходитъ чрезъ

весь XIX вѣкъ; оно не могло не повліять на Толстого, такъ близко подошедшаго къ великому разрушителю и обличителю лжи. Толстой во многомъ повторяетъ Руссо, но еще сильнѣе выдвигаетъ въ своемъ ученіи элементъ религіозный.

Слѣдуйте всегда указаніямъ природы, неустанно проповѣдуетъ Руссо, проповѣдуетъ такъ же упорно и убѣжденно и Толстой. Пора обратиться къ религіи чувства, простого и искренняго, исповѣдуемой простыми, безхитростными людьми; надо непредубѣжденно взглянуть на красоту міра, почувствовать ее — и тогда мы почувствуемъ Бога, который разлитъ во всей природѣ. Въ главномъ сочиненіи Руссо: «Эмиль, или о воспитаніи», есть глава подъ названіемъ «Исповѣданіе вѣры савойскаго священника», эта глава излагаетъ религіозныя воззрѣнія Руссо и говоритъ о томъ значеніи, которое должна имѣть религія въ жизни человѣка. Объ этомъ великомъ значеніи говоритъ и Толстой въ «Исповѣди».

Въ дни сомнѣній и отчаянія — читаемъ мы въ этой книгѣ—«Богъ, какъ льдина, таялъ на моихъ глазахъ, и опять ничего не оставалось, и опять изсыхалъ источникъ жизни; я приходилъ въ отчаяніе и чувствовалъ, что мнѣ нечего сдѣлать другого, какъ убить себя»... И въ этомъ богоборчествѣ и исканіи, когда Толстой обращался и къ наукѣ, не удовлетворявшей его, и къ простому народу, вѣру котораго онъ не могъ принять со всѣми суевѣріями, подробностями, обрядами, хотя и пытался, религіозное сознаніе писателя проясняется: «Я оглянулся на самого себя, на то, что

происходитъ во мнѣ, и я вспомнилъ всѣ эти сотни разъ происходившія во мнѣ умиранія и оживленія. Я вспомнилъ, что я жилъ тогда, когда вѣрилъ въ Бога. Какъ было прежде, такъ и теперь: стóитъ мнѣ знать о Богѣ, и я живу; стóитъ забыть, не вѣрить въ него, и я умираю. Что же такое эти оживленія и умиранія? Вѣдь я не живу, когда теряю вѣру въ существованіе Бога, вѣдь я бы уже давно убилъ себя, если бъ у меня не было смутной надежды найти Его. Вѣдь я живу, истинно живу только тогда, когда чувствую Его и ищу Его. *Такъ чего же я ищу еще?—вскрикнулъ во мнѣ голосъ.—Такъ вотъ Онъ.* Онъ есть то, безъ чего нельзя жить. Знать Бога и жить—одно и то же. Богъ есть жизнь... Живи, отыскивай Бога, и тогда не будетъ жизни безъ Бога. *И сильнье, чѣмъ когда-нибудь, все освѣтилось во мнѣ и вокругъ меня, и свѣтъ этотъ уже не покидалъ меня»...* Отнынѣ духовная жизнь Толстого неразрывно связана съ Богомъ, съ религіознымъ настроеніемъ, и оно окрашиваетъ, и рѣшаетъ, и опредѣляетъ смыслъ жизни. Отношеніе къ людямъ теперь также получаетъ свой смыслъ.

Толстой съ новымъ энтузіазмомъ прислушивается и къ вѣрѣ народа и къ сектантамъ, принявшись за пересмотръ и изученіе Евангелія. Въ это именно время (по свидѣтельству извѣстнаго изслѣдователя сектантства, А. Пругавина), Толстой начинаетъ осуществлять опрощеніе, отрицательно относится къ мѣщанству аристократическаго круга (стóитъ вспомнить изъ «Войны и мира» супруговъ Бергъ, описаніе людей и гостиныхъ «свѣта» въ

«Аннѣ Карениной»); онъ стремится сблизиться съ народомъ, ознакомиться съ его духовнымъ міромъ, для чего предпринимаетъ путешествія по монастырямъ; знакомится съ сектантами, напр., въ концѣ 70-хъ годовъ съ «богочеловѣками», послѣдователями Маликова, и видитъ тамъ близкое ему ученіе о любви, о совершенствованіи.

Самый краткій обзоръ міросозерцанія Толстого былъ бы не полонъ, если бы не было сказано о его отношеніи къ смерти, къ концу человѣческой жизни, такъ какъ жизнь и смерть, изображеніе той и другой постоянно переплетаются въ сознаніи писателя и постоянно представляются вмѣстѣ также и въ умѣ читателя.

Смерть происходитъ не отъ пули, попавшей въ сердце, говоритъ Толстой, *а отъ прекращенія возможности увеличивать количество добра.* Эти слова о томъ, отчего наступаетъ смерть духа человѣческаго, выражаютъ ясно его отношеніе къ смерти. Великая совѣсть Толстого, работая надъ смысломъ жизни, была въ послѣдніе годы чиста предъ смертью. Толстой—величайшій изъ поэтовъ смерти, можетъ-быть, глубже, чѣмъ кто-либо, заглянувшій въ холодное и безстрастное, по обычному людскому представленію, лицо смерти и не отвернувшійся отъ нея.

Жизнь и смерть носитъ въ себѣ человѣкъ въ теченіе всего своего существованія; но нѣтъ смерти для того, въ комъ живетъ сознаніе Бога; тьма не обниметъ тѣхъ, кто хочетъ быть сынами свѣта, и

не должно бояться убивающихъ тѣло, но надо бояться смерти души, которая наступаетъ тогда, когда въ ней нѣтъ больше стремленія къ добру, нѣтъ больше любви. Для Толстого не было смерти, потому что не было страха смерти, и смерть его пророчески напоминаетъ смерть Ивана Ильича.

Вспомнимъ конецъ этой глубоко-религіозной повѣсти. «А смерть? Гдѣ она?—спросилъ Иванъ Ильичъ.—Онъ искалъ своего прежняго, привычнаго страха смерти и не находилъ его. Гдѣ она? Какая смерть? Страха никакого не было, потому что и смерти не было. Вмѣсто смерти былъ свѣтъ. Такъ вотъ что!—вдругъ вслухъ проговорилъ онъ.—Какая радость! Для него все это произошло въ одно мгновеніе, и значеніе этого мгновенія уже не измѣнялось. Для присутствующихъ же агонія его продолжалась еще два часа. Въ груди его клокотало что-то; изможденное тѣло его вздрагивало. Потомъ рѣже и рѣже стали клокотанье и хрипѣнье. «Кончено!» сказалъ кто-то надъ нимъ. Онъ услыхалъ эти слова и повторилъ ихъ въ своей душѣ. *Кончена смерть*, сказалъ онъ себѣ. *Ея нѣтъ больше.* Онъ втянулъ въ себя воздухъ, остановился на половинѣ вздоха, потянулся и умеръ».

Истинная жизнь въ Богѣ началась для Ивана Ильича тамъ, гдѣ кончается путь жизни земной. Таковъ конецъ и Андрея Болконскаго. И еще раньше Толстой ставитъ тотъ же вопросъ; онъ говоритъ о смерти въ своемъ небольшомъ, но глубокомъ разсказѣ еще пятидесятыхъ годовъ — «Три смерти». Нѣтъ настоящей жизни для чело-

вѣка, если онъ удаляется отъ природы и отъ сліянія въ любви со всѣмъ живущимъ, если онъ далекъ отъ «духа» и міросозерцанія Платона Каратаева, — и тяжело ему умирать. Въ разсказѣ трудно умирать Ширкинской барынѣ, потому что видитъ она въ смерти конецъ всему и боится этого конца; незамѣтно и тихо умираетъ старый ямщикъ, за сапоги просящій купить ему камень на могилу, чтобы была о немъ на землѣ память; и совсѣмъ спокойно и безстрастно умираетъ дерево, часть вѣчно живой природы. Такъ ставитъ вопросъ о смерти великій ея изобразитель и, въ одномъ изъ писемъ, говоритъ о связи смерти и жизни и о соединеніи ихъ все тою же любовью, которая должна быть основаніемъ вселенной: «Для того, чтобы быть твердымъ (въ смерти) и не унывать, нужно, главное, ясно понимать и не забывать единственный разумный и радостный смыслъ нашей жизни, состоящій въ томъ, чтобы не только пронести черезъ эту жизнь, не потушивъ ея, ту искру божественной любви, которая вложена въ насъ и составляетъ нашу душу, но разжечь ее, сколько хватитъ нашихъ силъ, чтобы внести ее въ ту жизнь уже не искрой, а пламенемъ».

Какой-то легендой вѣчности вѣетъ отъ этого человѣка, раскрывающаго смыслъ жизни и смерти и не признающаго конца, потому что каждый человѣкъ остается и послѣ смерти жить во всѣхъ другихъ людяхъ, если онъ связанъ съ ними любовью. Объ этомъ говорится уже въ «Дѣтствѣ и Отрочествѣ», въ письмѣ больной матери, заканчивающей его трогательными словами: «Прощай,

милый другъ! помни, что меня не будетъ, но любовь моя никогда и нигдѣ не оставитъ тебя»...

Изобразившій съ такой силой и глубиной смерть дерева и лошади, смерть Ивана Ильича, Андрея Болконскаго и Анны Карениной, самъ готовый къ смерти, какъ къ давно жданному соединенію съ Богомъ, Толстой, весь ушедшій въ міръ духовный, былъ на землѣ въ послѣдніе годы, какъ Лазарь, который былъ мертвъ четыре дня и пришелъ въ міръ снова,—со своими глубокими, всевидящими очами,—съ очами человѣка, понявшаго смыслъ жизни и, подобно Лазарю, глубоко заглянувшаго въ тайну смерти.

5.

Вопросы о Богѣ и безсмертіи всю жизнь «мучили» Достоевскаго: всѣ его герои почти не могутъ спокойно жить, не разрѣшивъ этихъ вопросовъ (напр., въ «Бѣсахъ» Кирилловъ, особенно въ «Бр. Карамазовыхъ» и т. д.). Эти же вопросы такъ же мучили и Толстого, послѣдніе годы все вниманіе сосредоточившаго на опредѣленіи сущности Бога и безсмертія. И это понятно. *Религіозное* отношеніе къ жизни подразумѣваетъ, что смыслъ такой жизни въ Богѣ и въ исполненіи воли Его; противоположеніе же двухъ сторонъ въ человѣкѣ, двухъ началъ: духовнаго и матеріальнаго, ставитъ вопросъ о сущности этого главнаго, духовнаго начала, вопросъ о живой, неумираю-

щей душѣ человѣка. И потому вопросы о жизни и смерти влекутъ за собою вопросъ о душѣ и безсмертіи.

Какъ же понималъ Толстой продолженіе земной жизни и безсмертіе человѣка?

«Кромѣ всего тѣлеснаго въ себѣ и во всемъ мірѣ, мы знаемъ еще нѣчто безтѣлесное, дающее жизнь нашему тѣлу и связанное съ нимъ. Это нѣчто безтѣлесное, связанное съ нашимъ тѣломъ, мы называемъ душою. Это же безтѣлесное, ни съ чѣмъ не связанное и дающее жизнь всему, что есть, мы называемъ Богомъ»... «Смыслъ человѣческой жизни заключается во все бо́льшемъ и бо́льшемъ сознаніи въ себѣ Бога»... («Путь жизни»). Такимъ образомъ, человѣкъ непрестанно чувствуетъ въ себѣ, ощущаетъ Бога—Начало, Хозяина жизни, начало безконечное, и эта безконечность со смертью человѣческаго тѣла не уничтожается. Надо чувствовать себя не конечнымъ, отдѣленнымъ отъ всего міра существомъ, но частью безконечнаго, частью вселенной, жизни,—и тогда не будетъ ощущенія смерти, какъ конца. «Страхъ смерти происходитъ оттого, что люди принимаютъ за жизнь одну маленькую, ихъ же ложнымъ представленіемъ ограниченную часть ея» («О жизни»). «Жизнь человѣка есть стремленіе къ благу; къ чему онъ стремится, то и дано ему — жизнь, не могущая быть смертью, и благо, не могущее быть зломъ» («О жизни»). «Жизнь личная уничтожается смертью. Для жизни разумной нѣтъ смерти, потому что человѣкъ переноситъ свою жизнь въ служеніе вѣчному закону міра, и

потому цѣлью его жизни становится не жизнь но служеніе» («О жизни», прибавленіе).

Въ позднѣйшіе годы Толстой касается опредѣленія безсмертія въ «Воскресеніи» (1899 г.), гдѣ мы встрѣчаемся съ политическимъ изъ крестьянъ, Набатовымъ. Онъ никогда не думалъ о будущей жизни, «въ глубинѣ души зная то унаслѣдованное имъ отъ предковъ твердое, спокойное убѣжденіе, общее всѣмъ земледѣльцамъ, что, какъ въ мірѣ животныхъ и растеній ничто не кончается а постоянно передѣлывается изъ одной формы въ другую—навозъ въ зерно, зерно въ курицу, головастикъ въ лягушку, червякъ въ бабочку, жолудь въ дубъ,—такъ и человѣкъ не уничтожается, а только измѣняется. Онъ вѣрилъ въ это, а потому бодро и даже весело всегда смотрѣлъ въ глаза смерти и твердо переносилъ страданія, которыя ведутъ къ ней»... Здѣсь это изложеніе мыслей крестьянина напоминаетъ ученіе буддистовъ въ Индіи о перевоплощеніи, т.-е. о переходѣ души послѣ смерти изъ одного тѣла въ другое, изъ одной формы въ другую, пока просвѣтленная и очищенная скитаніями душа не сольется съ Божествомъ.

Эти правила жизни и добра и эти вопросы о смерти стоили писателю большого напряженія и страданій. «Я качусь подъ гору смерти,—пишетъ Толстой въ 1863 г. въ дневникѣ,—и едва чувствую въ себѣ силы остановиться. А я не хочу смерти, я хочу и люблю безсмертіе». Тяжело Толстому давался переходъ отъ Ивана Ильича къ христіанской кончинѣ смиреннаго Каратаева. Именно о смерти думалъ Толстой, когда въ «Исповѣди»

писалъ съ отчаяніемъ: «Вопросы не ждутъ, надо сейчасъ отвѣтить; *если не отвѣтить, нельзя жить*». Если мы даже не удовлетворимся отвѣтами Толстого, все же не можемъ не склониться передъ этимъ удивительнымъ безпокойствомъ исканій!

Правда, религія Толстого въ своей догматической части бѣдна и однообразна: безъ мистики и чудесъ, безъ таинствъ и обрядовъ. Но Толстой упорно и постоянно подчеркиваетъ, что отношеніе къ людямъ и жизни должно быть *религіозное*, должно опредѣляться религіей, исходить отъ Бога, Котораго мы не можемъ знать, но чувствуемъ, и волю Котораго мы призваны исполнять здѣсь, въ нашей земной жизни. Однако мы всегда должны помнить, что эта суровость, разсудочность догматики Толстого смягчается этикой, т.-е. постоянными указаніями на то, что во всякомъ ученіи—и въ христіанствѣ особенно—важнѣе всего нравственная сторона, что въ жизни человѣческой должны имѣть значеніе не слова, но дѣла, совѣсть, чувство добра, нравственныя побужденія, что́ давно ясно выражено въ словахъ Христа: *Милости хочу, а не жертвы*. И здѣсь большое значеніе имѣлъ взглядъ на смерть, какъ на окончательное сліяніе духовной сущности человѣка съ своимъ безконечнымъ Началомъ; надо отречься (не безсознательно, но собственной волей) отъ исключительныхъ интересовъ только своей личности; надо стать *круглымъ* нравственно, подобно Каратаеву. Какъ прекрасно говоритъ одинъ изъ изслѣдователей религіи Толстого (М. Юшкевичъ),

Толстой постоянно шелъ отъ остраго, угловатаго, колючаго Конст. Левина, пока онъ не установился, пока онъ утверждаетъ свое «я» и не можетъ отказаться отъ себя, къ круглому Каратаеву, который легко растворяется въ массѣ. Въ чувствахъ и привязанностяхъ его не было острыхъ угловъ, которыми одна личность врѣзывается въ другую. Каратаевъ полонъ благоволенія къ людямъ, ко всему міру, и отсюда отсутствіе страха смерти: нѣтъ боязни за потерю себя, своего «я», такъ какъ жизнь, часть которой онъ вѣчно составляетъ, продолжится и послѣ его смерти. И не для того ли Толстой предъ смертью ушелъ изъ Ясной Поляны, чтобы утвердить свое отреченіе отъ личныхъ благъ и привязанностей, чтобы осуществить настроенія и идеалъ «каратаевщины».

6.

Океаномъ назвалъ Толстого писатель Лѣсковъ, близко стоявшій къ его ученію въ послѣдніе годы. Океаномъ любви назвали бы мы Толстого и его писанія. Цѣль и смыслъ вселенной, міра, намъ неизвѣстны; смыслъ и цѣль жизни человѣка—въ стремленіи къ благу; путь къ этому благу есть непрестанное личное совершенствованіе; сущность блага есть любовь къ людямъ — вотъ цѣпь нравственныхъ выводовъ всѣхъ писаній Толстого. Отреченіе отъ благъ животной личности ведетъ за собою истинную любовь къ другимъ людямъ Толстой, какъ мы видѣли, не устаетъ проповѣдывать

любовь. Все, что отъ любви — отъ Бога, что отъ ненависти — противно Богу. Толстой болѣзненно чувствуетъ страданія другихъ и драгоцѣннѣйшимъ чувствомъ въ человѣкѣ, вслѣдъ за великимъ нѣмецкимъ философомъ Шопенгауэромъ, признаетъ *состраданіе*; и самая любовь въ своей сущности есть состраданіе (глубокое развитіе этой мысли у Достоевскаго). Съ театра войны Толстой пишетъ въ 1854 г. брату, что трудно разсказать все, что онъ тамъ видитъ и слышитъ, и что говорятъ плѣнные и раненые французы и англичане, и — подчеркиваетъ дальше слова Толстой —*больно ли имъ и очень ли больно*.

Особенно письма Толстого полны указаніями на смыслъ любви, на то, что она—центръ христіанскаго ученія, въ ней — весь законъ и пророки. Эти письма, поистинѣ, океанъ любви. «*Зачѣмъ вѣра, зачѣмъ Богъ*, пишетъ Толстой въ 1891 г., *Христосъ, ученіе истины, если можно не любить*. Да пропади пропадомъ все и не то, что моя гордость, самолюбіе, мои привычки, мои взгляды, а вся моя земная жизнь, если я долженъ раздѣлиться съ любовью». Смыслъ жизни въ томъ, чтобы исполнять волю Бога, а Богъ есть любовь, любовь же къ Богу выражается въ любви къ людямъ. Исполненіе воли Бога и увеличеніе любви въ себѣ происходитъ при помощи совершенствованія. «Человѣкъ не можетъ быть совершеннымъ и безгрѣшнымъ, онъ можетъ только *болѣе или менѣе* приближаться къ совершенству, полагая въ этомъ приближеніи весь смыслъ своей жизни» (письмо 1901 г.). Даже жизнь послѣ смерти, ду-

маетъ Толстой, будетъ состоять хотя и въ совершенно другомъ видѣ, но опять только въ приближеніи къ совершенству. «Въ этомъ личномъ усиліи къ совершенству весь смыслъ и радость жизни». И какъ умиротворяюще дѣйствуетъ эта внутренняя работа надъ собой на самого писателя! Толстой готовъ забыться въ этомъ обаяніи и восторгѣ духовной жизни. За два года до смерти въ письмѣ къ писателю П. Ф. Нажвину онъ говоритъ: «Я, странно сказать, что дальше живу, то все лучше и лучше мнѣ. Казалось бы, некуда больше, а все лучше».

Путь къ блаженной и религіозной жизни въ Богѣ, какъ мы сказали,—нравственное совершенствованіе. По заповѣди Христа, намъ поставленъ высочайшій идеалъ совершенства· «Будьте совершенны, какъ Отецъ вашъ небесный». Приближеніе къ этому идеалу—разумѣется, безконечное—заключается въ борьбѣ духовнаго начала въ человѣкѣ съ животнымъ его началомъ, въ борьбѣ со зломъ и соблазнами физической природы человѣка. Въ одномъ изъ глубочайшихъ и стройныхъ своихъ религіозныхъ сочиненій—«Въ чемъ моя вѣра?»—Толстой подробно говоритъ объ этихъ соблазнахъ и извлекаетъ изъ сводки всѣхъ 4-хъ Евангелій пять заповѣдей, составляющихъ, по мнѣнію Толстого, сущность христіанскаго ученія. Въ началѣ книги онъ говоритъ, какъ нашелъ «ключъ» къ пониманію ученія Христа, который открылъ ему истину. «Съ тѣхъ первыхъ поръ дѣтства почти,—разсказываетъ Толстой,—когда я

сталъ для себя читать Евангеліе, во всемъ Евангеліи трогало и умиляло меня больше всего то ученіе Христа, въ которомъ проповѣдуется любовь, смиреніе, униженіе, самоотверженіе и возмездіе добромъ за зло», т.-е. ученіе о непротивленіи злу.

Зло побѣждается не насиліемъ и зломъ, но добромъ, и непротивленіе злу не исключаетъ, а утверждаетъ борьбу съ нимъ. Она должна вестись, по мнѣнію Толстого, на основаніи слѣдующихъ пяти заповѣдей, исполненіе которыхъ обезоружитъ зло: 1) не гнѣвайся на брата своего; 2) не прелюбодѣйствуй и не разводись со своей женой: 3) не клянись; 4) не противься злу зломъ; 5) люби всѣхъ людей.—Основа всѣхъ этихъ заповѣдей любовь и равенство людей. «Основа жизни человѣка есть живущій въ немъ Духъ Божій, — одинъ и тотъ же во всѣхъ людяхъ. И потому люди не могутъ не быть всѣ равны между собою» («Путь жизни»).

Счастье человѣка—въ исполненіи этихъ заповѣдей. Условія людского счастья на землѣ просты и легки, если только люди откажутся отъ лживой культуры городовъ, отъ полнаго разобщенія съ землей и со всей природой и вообще отъ неправды и извращеній современной жизни. (И здѣсь мы, какъ и въ другихъ мѣстахъ сочиненій, чувствуемъ мысли Руссо).

Условій истиннаго счастья людей тоже пять: 1) человѣкъ не долженъ нарушать связь съ природой, а жить въ общеніи съ землей, растеніями, животными; 2) у человѣка долженъ быть люби-

мый и свободный физическій трудъ; 3) у человѣка должна быть одна семья (если онъ не можетъ быть совершенно цѣломудренъ); 4) у него должно быть свободное, любовное общеніе со всѣми разнообразными людьми міра; 5) наконецъ послѣднее условіе счастья есть здоровье и безболѣзненная смерть.

Въ концѣ книги Толстой, какъ бы подводя итоги, торжественно исповѣдуетъ свою вѣру:

«Я вѣрю въ ученіе Христа, и вотъ въ чемъ моя вѣра:

«Я вѣрю, что благо мое возможно на землѣ только тогда, когда всѣ люди будутъ исполнять ученіе Христа.

«Я вѣрю, что исполненіе этого ученія возможно, легко и радостно...

«Я вѣрю, что жизнь моя по ученію міра была мучительна, и что только жизнь по ученію Христа дастъ мнѣ въ этомъ мірѣ то благо, которое предназначилъ мнѣ Отецъ жизни»...

7.

Меня всю жизнь Богъ мучилъ, говоритъ въ романѣ «Бѣсы» одинъ изъ героевъ Достоевскаго, и эти слова вполнѣ примѣнимы и къ Достоевскому и къ Толстому. Вмѣстѣ съ Достоевскимъ Толстой является глубочайшимъ религіознымъ мыслителемъ вѣка (да и всѣхъ вѣковъ), подобно Гоголю, весь погруженный въ свое «душевное дѣло». Только на первый взглядъ кажется вѣрнымъ ут-

вержденіе, что съ 80-хъ годовъ Толстой какъ бы почилъ на лаврахъ, создалъ свою систему — и остановился: это было бы противно самой натурѣ Толстого: онъ не останавливается, но продолжаетъ развивать свое ученіе, добавляя, видоизмѣняя его, иногда даже противорѣча себѣ. Гдѣ нѣтъ противорѣчій? Вѣдь самъ Толстой отмѣтилъ это въ Каратаевѣ: «Часто онъ говорилъ совершенно противоположное тому, что онъ говорилъ прежде, но и то и другое было справедливо». Толстой противъ современныхъ формъ отношеній, государства, противъ денегъ и помощи ими, и въ то же время въ голодъ, собираетъ деньги на голодающихъ или продаетъ свой романъ «Воскресеніе», чтобы помочь деньгами духоборамъ переѣхать въ Канаду. Осудимъ ли мы такія противорѣчія для такихъ цѣлей; наоборотъ, не скажемъ ли, что надо побольше такихъ противорѣчій, что въ такихъ случаяхъ «и то и другое справедливо».

Сама русская жизнь заставляла, несмотря на яснополянское, правда, очень условное и небольшое уединеніе, отзываться писателя на тѣ или другія явленія. Въ затишье 80-хъ и 90-хъ годовъ Толстой неустанно проповѣдуетъ свободу духа человѣческаго, который долженъ быть независимъ отъ внѣшнихъ, общественныхъ и историческихъ условій. «Духа Божія не угашайте!» твердитъ онъ въ ледяное время побѣдоносцевщины, когда, казалось, замерзла человѣческая совѣсть и угасъ пламень свободы и любви. И позже, въ наши дни, въ дни освободительнаго движенія, Толстой отрицательно смотритъ на совершающіяся событія и

осуждаетъ насиліе, изъ какого бы лагеря оно ни выходило, такъ же, какъ осуждалъ и раньше, отрицая вообще всякія внѣшнія формы и проповѣдуя духовную свободу отъ всяческихъ насилій и стремленіе къ нравственному совершенствованію. «Истинное благо человѣчества, — говоритъ Толстой, — благо духовное и моральное, включаетъ также и матеріальныя благополучія, и эта высшая цѣль можетъ быть достигнута лишь религіознымъ и моральнымъ усовершенствованіемъ каждой отдѣльной личности, такъ какъ изъ отдѣльныхъ личностей состоятъ народы и все человѣчество». Это личное совершенствованіе каждаго, по мнѣнію Толстого, вполнѣ возможно при перевѣсѣ внутреннихъ, духовныхъ интересовъ надъ внѣшними, матеріальными, потому что «царствіе Божіе—внутри насъ». Эта идея совершенствованія, въ которую такъ глубоко вѣритъ Толстой, тѣсно связываетъ его со всей русской жизнью и съ самыми разнообразными писателями и теченіями, отражавшими эту, присущую именно русской натурѣ, болѣе созерцательной, чѣмъ дѣятельной, идею внутренняго совершенствованія, помимо государственныхъ и общественныхъ формъ, даже отрицая ихъ. Масоны Запада и русскіе сектанты, Гоголь и Глѣбъ Успенскій выражали эту идею,—особенно Гоголь, всѣ недостатки русской жизни николаевскаго времени объяснявшій не общимъ бюрократическимъ строемъ, но отдѣльными грѣхами, слабостями отдѣльныхъ лицъ. „*Стоитъ только захотѣть*,—говоритъ съ громадной вѣрой въ человѣческій разумъ Толстой,—и *каждый* будетъ дѣлаться лучше, то-

гда и *всѣ* станутъ лучше; дѣлаютъ дурно, потому что не знаютъ, что хорошо, что дурно, если же узнаютъ, то перестанутъ дѣлать дурно», — такъ заключаетъ Толстой, близкій въ этомъ взглядѣ къ греческому древнему мудрецу Сократу.

Въ послѣдніе годы, какъ извѣстно, Толстой особенно близко старался стать къ простому народу. Не принявъ его народной вѣры во всей ея полнотѣ, какъ это, напр., сдѣлалъ Достоевскій, Толстой не порвалъ близости съ народомъ, пріобрѣтенной съ такимъ трудомъ. Въ самомъ дѣлѣ, для Толстого всегда самымъ больнымъ мѣстомъ современной жизни была ложь, фальшь, на которую указывалъ еще дядя Ерошка въ «Казакахъ». Эта ложь и лицемѣріе неразрывны съ лжекультурнымъ обществомъ, съ жизнью такъ наз. образованныхъ людей. «Всегда смолоду, — говоритъ Толстой, — и чѣмъ старше, тѣмъ больше цѣню одно качество отрицательное выше всего (отрицательное съ точки зрѣнія «свѣта») — простоту». Отъ отсутствія простоты все зло, вся ложь. И какъ въ началѣ своего писательства, въ «Казакахъ», такъ и въ концѣ, напр., въ посмертной повѣсти, «Хаджи-Муратъ», Толстой является страстнымъ обличителемъ свѣтскихъ условностей. Дядя Ерошка — воплощеніе простоты, и измученный культурой Оленинъ, мучительно ищущій и не находящій смысла жизни; всегда ровный, спокойный, ясный и простой Хаджи-Муратъ, и придворно-военное общество на Кавказѣ или въ Петербургѣ, одинаково лживое и лицемѣрное, — вотъ противоположности; и ясно, на чьей сторонѣ авторъ, самъ съ

трудомъ, но упорно идущій къ простотѣ, самъ съ дѣтства отравленный всѣми утонченностями культуры XIX столѣтія. *Я такъ люблю любить*,— тоскливо говоритъ Толстой,—и находитъ только вражду. *Все, что соединяетъ людей, есть добро и красота; все, что разъединяетъ ихъ, есть зло и безобразіе... Христосъ— это любовь и согласіе...* Мало отклика находятъ эти слова; нѣтъ любви, зло считается за благо, а за красоту простоты часто принимаютъ условную и бездушную красивость внѣшности. Истинная интеллигенція духа — не Иванъ Ильичъ, не Каренины или Облонскіе, даже не Болконскій и Пьеръ, даже не Левинъ. Въ нихъ нѣтъ простоты и правды, они не свободны отъ лжи міра, они или совсѣмъ не имѣютъ религіи или имѣютъ ложное представленіе о ней, они не истинно религіозны; наконецъ они не могутъ еще отказаться отъ своей личности, отъ взгляда на себя, какъ на центръ всего окружающаго. Большинство изъ нихъ и не пытаются и не хотятъ отказываться отъ личныхъ интересовъ; поэтому въ нихъ мало настоящей, т.-е. несвоекорыстной и неодносторонней любви, съ которой, по словамъ Толстого, «всегда повторяется евангельское чудо о пяти хлѣбахъ: чѣмъ болѣе раздаешь, тѣмъ болѣе остается». Какъ ни странно на первый взглядъ, люди, которымъ понятнѣе истинный смыслъ жизни, это скорѣе Ерошка и Лукашка съ незатемненнымъ взглядомъ на міръ, юродивый Гриша или Наталья Савишна (въ «Дѣтствѣ и отрочествѣ»), и впереди всѣхъ Платонъ Каратаевъ. Поэтому и обратился Толстой къ

простонародью, что тамъ больше простоты и нѣтъ лукавства: чистая вѣра народа спасаетъ его.

Въ 80-е годы Толстого плѣняетъ все той же серьезной простотой сектантъ-крестьянинъ, Вас. Кирил. Сютаевъ, и Толстой любилъ повторять его слова, выражающія правило личнаго совершенствованія: «все въ тáбѣ», все въ насъ самихъ; и въ началѣ девяностыхъ годовъ Толстой пишетъ одно изъ обширнѣйшихъ своихъ сочиненій: «Царствіе Божіе внýтри васъ», доказательство возможности внутренняго христіанства помимо общественныхъ формъ, на основѣ заповѣди непротивленія злу. Въ послѣдніе годы самъ Толстой старается итти по этому пути личнаго совершенствованія и приближенія къ Богу. И это движеніе впередъ, по его признанію, радостно: во-первыхъ, чѣмъ ближе къ свѣту, тѣмъ лучше; во-вторыхъ, при всякомъ новомъ шагѣ видишь, какъ мало ты сдѣлалъ и какъ много еще этого радостнаго пути впереди...

Неустанное стремленіе къ обновленію и сліянію съ народной массой, со *всѣми* людьми-братьями окончательно было закрѣплено великимъ порывомъ Толстого—уходомъ отъ семьи, по слову Евангелія: «Кто любитъ отца или мать больше Меня, тотъ Меня недостоинъ». Толстой разъ навсегда созналъ, что у человѣка, истинно и равно любящаго всѣхъ, не должно быть предпочтенія. Еще за 300 лѣтъ до Рождества Христова, въ Греціи, греческій писатель Эврипидъ въ одной своей трагедіи поставилъ вопросъ, какъ избѣжать страданій при потерѣ близкихъ; онъ рѣшаетъ вопросъ

«по-гречески», по-языčески спокойно: надо стараться никого не любить сильно, надо ко всѣмъ относиться одинаково равнодушно, чтобы потеря любимыхъ не заставляла насъ страдать. Прошло больше двухъ тысячъ лѣтъ, и другой писатель рѣшаетъ вопросъ иначе: надо любить всѣхъ одинаково сильно, какъ отца или брата, не только друзей, но и враговъ; Каратаевъ (въ «Войнѣ и мирѣ») одинаково любитъ и относится благожелательно къ шавкѣ, Пьеру и къ французамъ, взявшимъ его въ плѣнъ. При такихъ условіяхъ личная потеря любимыхъ не будетъ тяжела, такъ какъ всѣ—братья и всѣ люди должны быть одинаково любимы.

8.

«Идеалъ муравейныхъ братьевъ, льнущихъ любовно другъ къ другу, только не подъ двумя креслами, завѣшенными платками, а подъ всѣмъ небеснымъ сводомъ всѣхъ людей міра, остался для меня тотъ же. И какъ я тогда вѣрилъ, что есть та зеленая палочка, на которой написано то, что должно уничтожить все зло въ людяхъ и дать имъ великое благо, такъ я вѣрю и теперь, что есть эта истина и что будетъ она открыта людямъ и дастъ имъ то, что она обѣщаетъ».

Такъ заключаетъ Л. Н. Толстой свои воспоминанія о братѣ Николаѣ, передавая его разсказъ о «муравейныхъ» (можетъ-быть, моравскихъ) братьяхъ и о зарытой зеленой палочкѣ, обладавшей

волшебнымъ свойствомъ: когда она будетъ найдена, будетъ найдено счастье всего міра. И эта палочка разъ навсегда опредѣлила основную цѣль жизни великаго писателя — разгадать чудесную надпись, которая улучшила бы жизнь людей; съ дѣтства и до послѣдняго жизненнаго шага—ухода за нѣсколько дней до смерти изъ Ясной Поляны, Толстой всю жизнь шелъ по этому пути исканій счастья людского, исканій смысла жизни человѣческой.

Когда за нѣсколько лѣтъ до смерти Левъ Николаевичъ опасно заболѣлъ въ Крыму, взоры всего міра были устремлены на него; онъ былъ старъ, и всѣ съ тревогой думали: неужели конецъ? Это было время постоянной боязни и волненія за жизнь великаго писателя. Но дѣло его жизни еще не было закончено. «Карета подана, — говорилъ тогда Толстой, уже готовый къ смерти,— но дана отсрочка». Прежде чѣмъ уйти изъ жизни, онъ ушелъ изъ Ясной Поляны и послѣднимъ величественнымъ аккордомъ закончилъ грандіозную симфонію своего жизненнаго пути. Мы долго будемъ соединять съ именемъ Толстого и съ его смертью и этотъ его послѣдній уходъ, такъ взволновавшій и удивившій весь міръ.

Этотъ уходъ изъ Ясной Поляны есть такой же историческій фактъ, какъ и ученіе Толстого, какъ и вся его жизнь. Не съ житейскими, обыденными мѣрками и объясненіями надо подходить къ этому послѣднему шагу въ жизни Толстого, такъ какъ причины лежатъ гораздо глубже, чѣмъ обыденные факты жизни. Толстой ушелъ искать ту зе-

леную палочку, которая дала бы счастье и радость всему человѣчеству. Въ этомъ его уходѣ—то вѣчное исканіе истины, которому посвятилъ Толстой всю свою жизнь. Давно рвался онъ изъ оковъ барской обстановки, потому что считалъ стыдомъ жить такъ, какъ онъ жилъ; давно хотѣлъ уйти отъ попеченій семьи и слиться съ простымъ русскимъ народомъ, который всегда считалъ онъ «солью земли»,—не даромъ привелъ Толстой своихъ баръ: и Оленина, и Андрея Болконскаго, и Пьера Безухова, и Нехлюдова—къ дядѣ Ерошкѣ и особенно къ Платону Каратаеву. Тридцать лѣтъ тому назадъ Толстой уже говоритъ въ одномъ письмѣ, какъ мучительно и унизительно жить въ совершенной праздности, и что если бы онъ былъ одинъ, онъ не былъ бы монахомъ, а былъ бы юродивымъ, т.-е. не дорожилъ бы ничѣмъ въ жизни и не дѣлалъ бы никому вреда. Это намѣреніе ясно уже изъ письма къ Софьѣ Андреевнѣ Толстой (8 іюня 1897 года); въ этомъ письмѣ онъ говоритъ, что уже давно его мучаетъ несоотвѣтствіе его жизни съ вѣрованіями, и что онъ рѣшается уйти, чувствуя себя болѣе свободнымъ, такъ какъ воспитаніе дѣтей кончилось, онъ старѣетъ и, подобно старикамъ-индусамъ, хотѣлъ бы въ послѣдніе годы спокойствія, уединенія. О скитальчествѣ, какъ пути къ сліянію и сближенію съ народомъ, говоритъ Толстой и въ одномъ изъ послѣднихъ произведеній, въ повѣсти «О. Сергій»: это едва ли не важнѣйшее созданіе среди посмертныхъ произведеній Толстого въ вопросѣ о смыслѣ человѣческой жизни.

Сдѣлавшись монахомъ, о. Сергій старается жить духовной жизнью въ монастырѣ: равнодушно принимаетъ онъ извѣстія о смерти матери и о выходѣ замужъ своей бывшей невѣсты, потому что «все вниманіе, всѣ интересы его были сосредоточены на своей внутренней жизни». Но искушаетъ его дьяволъ тщеславія, и о. Сергій уходитъ изъ монастыря *въ міръ*. Встрѣча съ Пашенькой сильно вліяетъ и мѣняетъ его. Какъ Моисей, онъ въ бесѣдахъ съ простой женщиной нашелъ Бога не въ грозѣ и бурѣ, но въ легкомъ колебаніи вѣтра—въ исполненіи малыхъ мірскихъ дѣлъ. «Я жилъ для людей,—разсуждаетъ о. Сергій послѣ бесѣды съ Пашенькой (для славы людской),—подъ предлогомъ Бога; она живетъ для Бога, воображая, что она живетъ для людей»... «Да, одно доброе дѣло, чашка воды, поданная безъ мысли о наградѣ, дороже облагодѣтельствованныхъ мною людей»... «Буду искать Бога», говоритъ о. Сергій и идетъ скитаться по землѣ.

О. Сергій осуществляетъ то, о чемъ мечталъ, къ чему стремился дряхлый Толстой. Онъ скитался по Россіи, пока не забрали его, какъ безпаспортнаго, и не услали въ Сибирь. Тамъ поселился безвѣстный странникъ, читалъ окружающимъ его Евангеліе, служилъ совѣтомъ, или грамотой, или уговоромъ ссорящихся и не дожидался благодарности. *И понемногу Богъ сталъ проявляться въ немъ.*

Неизгладимое впечатлѣніе оставляетъ въ этой повѣсти встрѣча странника Сергія съ барыней и французомъ; Касатскій поборолъ свою гордость,

онъ не показываетъ имъ, кѣмъ онъ былъ. «Касатскому радостна была встрѣча, потому что онъ презрѣлъ людское мнѣніе и сдѣлалъ самое пустое, легкое,—взялъ смиренно двадцать копеекъ и отдалъ ихъ товарищу, слѣпому нищему. Чѣмъ меньше имѣло значеніе мнѣніе людей, тѣмъ сильнѣе чувствовался Богъ». На вопросъ, при этой встрѣчѣ, кто онъ, о. Сергій далъ отвѣтъ человѣка, свободнаго отъ всяческихъ условностей міра, обладающаго истинной, внутренней свободой и познавшаго смыслъ жизни, жизни въ Богѣ: *Рабъ Божій*, отвѣчалъ Сергій, кланяясь своей лысѣющей головой...

И здѣсь передъ нами все тѣ же мысли Толстого: отказаться отъ всего, ни отъ чего не зависѣть, постоянно чувствовать въ себѣ Бога и жить, странствуя смиренно, любя и помогая людямъ,—прелесть, простота и высота такого подвига давно привлекали писателя. Онъ часто думалъ объ этомъ, вѣроятно, не предчувствуя, что для него самого такое скитальчество въ самомъ началѣ окажется роковымъ.

«О. Сергій» законченъ въ 1898 году. Но тотъ же вопросъ «ухода» мы въ писаніяхъ Толстого находимъ еще позже, именно въ драмѣ «И свѣтъ во тьмѣ свѣтитъ» (1900—1902 г.). Здѣсь, совершенно прямо отражая себя въ главномъ лицѣ драмы, Николаѣ Ивановичѣ Сарынцовѣ, Толстой, устами жены этого помѣщика Сарынцова, характеризующей новыя убѣжденія и перемѣну въ мужѣ, пересказываетъ свои исканія и перемѣну въ жизни (II д., X явл.).

«Когда мы женились,—разсказываетъ жена Николая Ивановича о немъ,—онъ былъ совершенно равнодушенъ къ религіи, и такъ мы жили, и прекрасно жили лучшіе годы—первыя двадцать лѣтъ. Потомъ онъ сталъ думать. Можетъ-быть, имѣла вліяніе на него сестра или чтеніе, только онъ сталъ думать, читать Евангеліе и тогда вдругъ сталъ крайне религіозенъ, сталъ ходить въ церковь, ѣздить по монахамъ. И потомъ вдругъ бросилъ это все и измѣнилъ во всемъ свою жизнь: началъ самъ работать, не допускаетъ себѣ служить прислугу и, главное, теперь раздаетъ имѣніе. Онъ вчера отдалъ лѣсъ съ землей»...

Передъ нами жизнь Льва Николаевича Толстого. Только теперь мы уже знаемъ, что не *вдругъ* сталъ онъ «крайне религіозенъ», не *вдругъ* бросилъ прежнюю жизнь: этому предшествовала долгая и тяжелая внутренняя работа и борьба, объ этомъ свидѣтельствуютъ и его жизнь и его произведенія. И дальше въ той же драмѣ мы прямо читаемъ о подробностяхъ ухода, который готовилъ Толстой уже давно: оборванный Александръ Петровичъ говоритъ: «Будьте спокойны, дойдемъ до Кавказа безъ гроша, Николай Ивановичъ; до Тулы доѣдемъ, а тамъ пойдемъ»... (IV дѣйств., II карт.). Какъ о. Сергій, Николай Ив. Сарынцовъ страстно хочетъ *смиренія, юродства*: «Если бы только возвыситься до него», восклицаетъ онъ. Все это для Толстого пути къ сліянію съ простонародьемъ, съ простотой и правдой, а значитъ, и съ Богомъ, величіе Котораго познается въ простотѣ и правдѣ. И опять мы ви-

димъ, что уже давно Толстой стремился къ этому сліянію съ народомъ.

9.

Въ одномъ письмѣ Толстой разсказываетъ, какъ очень богатая важная придворная дама сказала ему однажды, что она вѣритъ, «какъ баба Акулина». «Дамѣ казалось, что она сказала нѣчто очень тонкое и даже глубокое; на самомъ же дѣлѣ,—пишетъ Левъ Николаевичъ,—сказала она не только глупость, но совершенную неправду»... Пока интеллигенція не отрѣшится отъ своей интеллигентской культуры и пока не придетъ къ народу, пока не сольется съ нимъ, не можетъ она вѣрить, какъ вѣритъ народъ. Современное образованное общество не свободно, въ немъ нѣтъ искренности, правды и любви, потому что все оно опутано искони лицемѣріемъ, ложной культурой и внѣшними культурными формами; пока человѣкъ не свободенъ духовно, въ немъ нѣтъ любви, онъ не знаетъ и не ищетъ правды, которая въ ученіи Христа. Надо отказаться отъ культуры, и тогда мы поймемъ безхитростныя, простыя молитвы бабы Акулины, ибо имъ принадлежитъ царствіе Божіе. Сдѣлать же это можно, по мнѣнію Толстого, только освободившись отъ личной жизни во имя любви ко всѣмъ людямъ и ко всему живущему, безъ различія религій, національностей, культуръ и странъ: «любить ближняго и дальняго,—говоритъ Толстой,—и курицу,

и дерево (все по порядку), и жить, руководясь этой любовью»... «Всѣхъ—зулу, идіота, злодѣя, звѣря, считать равными, братомъ, и любить, какъ любишь любимыхъ»...

Какъ русскій писатель, Толстой чувствовалъ себя обязаннымъ посвятить свою жизнь и свои произведенія проповѣди любви и человѣчности, такъ какъ эта проповѣдь была ему завѣщана всей русской жизнью и русской литературой. Искали истину, мечтали о счастьѣ народа, говорили о святости и достоинствѣ человѣческой личности лучшіе наши писатели XVIII вѣка, какъ Новиковъ и Радищевъ, проповѣдывавшіе необходимость нравственнаго совершенствованія, напоминая этимъ проповѣдь Толстого; создалъ согрѣтые мягкими лучами любви образы Пушкинъ, котораго такъ любилъ Толстой прежде всего за его неизмѣнную искренность; палъ подъ бременемъ отчаянія въ напрасныхъ поискахъ живыхъ человѣческихъ душъ Гоголь, все сталкивавшійся въ русской жизни съ «мертвыми душами»; сошелъ съ ума отъ этихъ исканій Глѣбъ Ив. Успенскій, пришедшій къ идеалу Платона Каратаева и мечтавшій о свѣтломъ далекомъ будущемъ и въ сумасшествіи своемъ воскресавшій въ любви ко всѣмъ страждущимъ и обремененнымъ. И въ Толстомъ, какъ въ русскомъ писателѣ, воплотились тѣ же мечты о воскресеніи людей въ любви и о томъ, чтобы было у людей, вмѣсто звѣринаго сердца, «сердце всескорбящее», котораго напрасно искалъ Гл. Успенскій. Толстой, вслѣдъ за этими писателями-гуманистами, взялъ

на себя защиту человѣка, защиту личности, которую ставилъ онъ выше и прежде всякихъ культурныхъ, общественныхъ формъ; онъ рѣзко говоритъ о прогрессѣ и культурѣ, если они требуютъ человѣческихъ жертвъ. 16 августа 1881 года, въ дорогѣ изъ Самарскаго хутора въ Ясную Поляну, онъ записалъ слѣдующія замѣчательныя слова: *Въ Ряжскъ убитъ машиной. Каждый мѣсяцъ—человѣкъ. Всѣ машины къ чорту, если человѣкъ* (т.-е. не надо машинъ и культуры, если онѣ истребляютъ человѣческую жизнь).

Толстой взялъ на себя тяжелое, вѣковое бремя вины и долга интеллигенціи передъ народомъ, барина передъ мужикомъ. Именно тогда, когда онъ, казалось бы, могъ спокойно и счастливо жить, признанный и прославленный писатель, въ разгарѣ семейной жизни въ Ясной Полянѣ, Толстой почувствовалъ свое историческое призваніе—быть проповѣдникомъ равенства между людьми и проповѣдникомъ «опрощенія». Толстой чувствуетъ и признаетъ историческую вину барства и отчужденности отъ простого народа; онъ стремится понять его вѣру, его обычаи, умъ и сердце; и то, что раньше было ему близко, теперь становится ему чуждымъ, кажется ложнымъ и неестественнымъ; Толстой не удовлетворяется личнымъ семейнымъ счастьемъ и начинаетъ свой путь раскаянія русскаго барина и очищенія отъ «звѣриной жизни», путь русской интеллигентской Голгоѳы. Цѣною нечеловѣческихъ мученій, цѣною борьбы между жаждой разумной вѣры и мыслями о самоубійствѣ Толстой шелъ къ раскрытію истин-

наго смысла жизни. И эти усилія не проходили даромъ; въ послѣдніе годы Левъ Николаевичъ не разъ говорилъ, какъ свѣтло и радостно ему жить въ этомъ сліяніи и общеніи съ людьми.

А съ кѣмъ не былъ Толстой въ общеніи? Онъ говоритъ и переписывается и съ американскимъ фермеромъ, и съ французскимъ аристократомъ, и съ нѣмецкимъ ученымъ, и съ индійскимъ брамином, таящимъ въ себѣ тысячелѣтнюю мудрость вселенной; съ нимъ говоритъ и японскій студентъ, и тульскій мастеровой, и яснополянскій крестьянинъ (и съ крестьяниномъ Толстой говоритъ всего охотнѣе); сотни людей со всѣхъ концовъ міра стекались въ Ясную Поляну и съ бьющимся сердцемъ подходили къ двумъ бѣлымъ башнямъ у въѣзда въ усадьбу Толстого. И со всѣми у Льва Николаевича любовное и радостное общеніе, и въ этомъ вселенскомъ общеніи Толстой перестаетъ жить земной, матеріальной жизнью, весь отдавшись жизни духовной. Съ самаго начала своей сознательной жизни старается онъ выяснить свое отношеніе къ жизни, и давно уже это отношеніе понимаетъ, какъ *религіозное* отношеніе. Еще до появленія первыхъ своихъ литературныхъ произведеній, двадцатичетырехлѣтнимъ офицеромъ выражаетъ Толстой религіозно-нравственную основу своего міросозерцанія въ слѣдующей фразѣ, записанной въ его дневникѣ: *Тотъ человѣкъ, котораго цѣль есть собственное счастье,—дуренъ; тотъ, котораго цѣль есть мнѣніе другихъ,—слабъ; тотъ, котораго цѣль счастье другихъ,—добродѣтеленъ; тотъ, котораго цѣль Богъ,—великъ.* Вотъ

путь Толстого: отъ эгоизма и несамостоятельности къ всеобщей любви и Богу, отъ дурной и слабой жизни — къ добродѣтели и величію. Эту же мысль онъ хочетъ воплотить и въ литературной формѣ: въ это же время, въ 1852 году, Толстой набрасываетъ планъ «Романа русскаго помѣщика», главная мысль котораго заключается въ томъ, что герой ищетъ осуществленія идеала счастья и справедливости, и, не найдя его ни въ деревенскомъ быту, ни въ семейномъ, видитъ, что счастье состоитъ не въ личномъ идеалѣ, а въ постоянномъ жизненномъ трудѣ, имѣющемъ цѣлью — счастье другихъ. И въ началѣ своей литературной дѣятельности Толстой указываетъ самому себѣ свою историческую миссію — миссію религіозную: «Разговоръ о божествѣ и вѣрѣ,—читаемъ мы въ дневникѣ 1855 года,—навелъ меня на великую, громадную мысль, осуществленію которой я чувствую себя способнымъ посвятить жизнь. Мысль эта — основаніе новой религіи, соотвѣтствующей развитію человѣчества, религіи практической, не обѣщающей будущее блаженство, но дающей блаженство на землѣ. Привести эту мысль въ исполненіе, я понимаю, могутъ только поколѣнія, сознательно работающія къ этой цѣли. Одно поколѣніе будетъ завѣщать мысль эту слѣдующему, и когда-нибудь фанатизмъ или разумъ приведутъ ее въ исполненіе. Дѣйствовать сознательно къ соединенію людей религіей, вотъ основаніе мысли, которая, надѣюсь, увлечетъ меня». Это не новая религія, но старое ученіе Христа, только основанное не на насиліи и фанатизмѣ и

потому, по мнѣнію Толстого, не истинное,—но на любви.

Въ послѣдніе годы, работая надъ собой и неустанно развивая въ себѣ любовь, проповѣдуя ученіе любви и милосердія, Левъ Николаевичъ уклоняется отъ всякихъ споровъ, выраженій порицанія или неудовольствія, и только нарушеніе единаго закона, единой заповѣди, составляющей всю сущность христіанства, — заповѣди любви— всегда заставляло его горячо протестовать и вырывало крикъ: «Не могу молчать»!..

Толстому всегда тяжело было слушать указанія на разладъ между ученіемъ и жизнью; предъ нимъ стояла эта противоположность—барской, хотя и очень простой, обстановки и голодающихъ крестьянъ и нищеты вокругъ него.

Уходъ изъ Ясной Поляны передъ смертью устраняетъ совершенно всѣ подобныя обвиненія. Врагъ всего искусственнаго, барскаго, Толстой пошелъ скитаться, жить крестьянской, трудовой жизнью, вѣрный своимъ взглядамъ; онъ искалъ послѣдняго пристанища среди простой и незатѣйливой обстановки и нашелъ ее въ астаповскомъ желѣзнодорожномъ домикѣ. И когда онъ, мертвый, вернулся въ Ясную Поляну, его встрѣтили такъ, какъ онъ самъ хотѣлъ. Кому выпало горькое счастье быть на этихъ похоронахъ Льва Толстого, тѣ видѣли, какъ гробъ первые окружили и первые прощались и цѣловали въ сѣдую бороду покойника яснополянскіе крестьяне съ серьезными и грустными лицами и ученики яснополянской школы, которыхъ такъ любилъ Толстой. Поистинѣ,

встрѣчали братья своего брата во Христѣ; рушились всѣ сословныя грани, произошло послѣднее сліяніе и общеніе русскаго народа и русскаго писателя.

Толстой остался непоколебимъ въ своихъ исканіяхъ и вѣрованіяхъ: и въ стремленіи къ Богу, и въ сліяніи съ простымъ народомъ, и въ отрицаніи культуры современнаго городского уклада жизни, и, наконецъ, во все большемъ развитіи любви къ людямъ (какъ нѣкогда выразился героій его повѣсти «Казаки» Оленинъ: «Чтобы быть счастливымъ, надо одно—любить, раскидывать на всѣ стороны паутину любви»).

Всю жизнь вѣрный себѣ и своему религіозному отношенію къ жизни, Толстой въ послѣдніе дни вѣрилъ въ то, что будетъ время, когда настанетъ на землѣ миръ и благоволеніе среди людей, вѣрилъ, что и всѣ люди поймутъ тайну зеленой палочки, зарытой въ дѣтствѣ. Нашъ долгъ — дѣлать и жить такъ, чтобы не обмануть этой вѣры. Самъ же Толстой, вѣря въ свѣтлое будущее, тихо и спокойно умиралъ и говорилъ: «Вотъ и конецъ, и ничего»...

И наканунѣ смерти Толстой высказалъ всѣ свои мечты и свою заповѣдь въ одной фразѣ: это была послѣдняя связная фраза умирающаго, совсѣмъ близкаго и дорогого намъ,—послѣ начался бредъ и наступило приближеніе смерти. Весь міръ съ трепетомъ прочелъ этотъ послѣдній завѣтъ того, кто давно всѣми былъ признанъ великой совѣстью человѣчества; мы, которые такъ нуждаемся въ любви, не забудемъ этого завѣта людямъ

этихъ словъ, которыми завершилась жизнь великаго апостола любви: *Только одно я прошу васъ помнить: есть пропасть людей на свѣтѣ, кромѣ Льва Толстого, а вы только смотрите на одного Льва.*

10.

Заканчивая свою книгу: «Левъ Толстой и Достоевскій», о первомъ, какъ тайновидцѣ и изобразителѣ Плоти, и второмъ, какъ о тайновидцѣ Духа (мы старались показать спорность подобнаго раздѣленія и старались доказать, что жизнь Духа Толстому была не менѣе присуща и близка, не менѣе была для него идеаломъ, чѣмъ для Достоевскаго),—Мережковскій, авторъ этой книги, говоритъ: «Только теперь, когда русская литература кончается, или, по крайней мѣрѣ, совершенно опредѣленный, неповторяемый кругъ ея развитія замыкается,—только теперь мы начинаемъ понимать, что собственно произошло въ Россіи отъ 30-хъ до 80-хъ годовъ XIX вѣка, отъ «Евгенія Онѣгина» до «Анны Карениной» и «Братьевъ Карамазовыхъ»... «Восемь вѣковъ съ начала Россіи до Петра мы спали; столѣтіе отъ Петра до Пушкина просыпались; вполвѣка отъ Пушкина до Льва Толстого и Достоевскаго, вдругъ проснувшись, пережили три тысячелѣтія западноевропейскаго человѣчества»... Предъ нами, въ самомъ дѣлѣ, поразительный расцвѣтъ благоуханнаго сада нашей новой литературы. Въ нѣ-

сколько лѣтъ, отъ Пушкина до Достоевскаго и Толстого, мы выработали свои національныя формы русскаго реализма, мы «сдѣлали» нашъ художественно-реальный романъ, и эта эпоха «реальнаго романа» стала рядомъ съ выдающимися литературными эпохами Западной Европы.

Рядомъ съ Тургеневымъ, Гончаровымъ, Достоевскимъ и другими, Толстой является великимъ представителемъ русской литературы, его имя—наша національная гордость. Въ безсмертныхъ поэтическихъ образахъ воплощаетъ Толстой, въ живой реальной формѣ, всегда какую-нибудь нравственную или религіозную идею, всегда и вездѣ старается раскрыть характерную черту своего излюбленнаго героя Платона Каратаева,—духъ простоты и правды.

Пушкинъ, источникъ всей нашей литературы XIX столѣтія, «Россіи первая любовь», впервые всталъ рядомъ съ западными геніями литературы, сталъ рядомъ съ Шекспиромъ въ своихъ великихъ произведеніяхъ, но мало знаетъ его Западъ. Тургеневъ жилъ во Франціи, и его читали иностранцы, но они больше дивились его славянскому лицу и славянской натурѣ, чѣмъ понимали его. И только Толстой и Достоевскій раскрыли предъ изумленнымъ Западомъ всю глубину и своеобразіе нашего національнаго духа—и были признаны міровыми писателями, которые великими глубинами своего творчества питаютъ не опредѣленный народъ въ опредѣленную эпоху, но все человѣчество во всѣ вѣка. Лишь познакомившись съ

Толстымъ, одинъ англійскій писатель призналъ, что такой великій человѣкъ можетъ выйти только изъ нѣдръ великаго народа. И это потому, что Достоевскій и особенно Толстой далеко вышли за предѣлы понятій писателя-романиста, писателя-психолога, главы литературной школы; подобно мудрецамъ древности: Буддѣ, Сократу или Платону, подобно міровымъ писателямъ, какъ Гомеръ, Данте, Сервантесъ или Шекспиръ, они—достояніе всего цивилизованнаго міра; они—учители жизни, религіозные мыслители, создавшіе школы на Западѣ и у насъ, въ Россіи, во многомъ еще—*писатели будущаго*. Вліяніе такихъ писателей, какъ Л. Толстой,—внѣ эпохи, внѣ націи, хотя, какъ и всѣ люди, они вышли изъ данной эпохи, изъ даннаго народа, изъ земли растутъ къ небесамъ и, достигнувъ небесъ, становятся міровыми писателями, вѣчнымъ пріобрѣтеніемъ всего міра.

А. П. Чеховъ какъ-то сказалъ, что если начать глубже разбираться въ Толстомъ, то въ немъ можно провалиться, какъ въ бездонномъ колодцѣ. Если, въ самомъ дѣлѣ, можно болѣе или менѣе точно опредѣлить значеніе собственно художественной дѣятельности Толстого, то опредѣлить его общее значеніе и его будущее вліяніе—почти невозможно. Личность и самый фактъ жизни Толстого, его мечты и (мы увѣрены) результаты его появленія въ міровой жизни—безпредѣльны, безконечны; по крайней мѣрѣ, они представляются намъ такими съ точки зрѣнія настоящаго вре-

мени. Осуществленіе толстовскихъ мечтаній требуетъ иныхъ формъ и иной культуры, чѣмъ современная намъ. И только время покажетъ, какъ и насколько воспользуется человѣчество (а оно непремѣнно воспользуется) ученіемъ Толстого и тѣми правилами нравственности, которыя онъ неустанно провозглашалъ всю свою жизнь. Эти правила самъ Толстой считалъ вполнѣ исполнимыми. Конст. Левинъ въ «Аннѣ Карениной» говоритъ про нихъ, что это «вполнѣ удобоисполнимо», какъ вѣрятъ въ это и другіе герои произведеній Толстого; а мы можемъ прислушаться къ нимъ; вѣдь они такіе же живые люди, какъ и мы,—съ однимъ развѣ различіемъ: они безсмертны, чего не дано намъ.

Упоенный любовью къ Богу и къ людямъ, пророкъ и анархистъ, борющійся со всѣми условностями и извращеніемъ современной культуры, призывающій царство Божіе на землю и вѣрившій въ него, Толстой испытывалъ въ своей жизни многочисленныя разочарованія. Грядущія поколѣнія, тѣ, которыя будутъ завидовать намъ, что мы были современниками Льва Толстого, придутъ къ нему съ восторгомъ и покаяніемъ и лучшей, любовной жизнью, тої самої, о которої мечталъ Чеховъ, осушатъ тѣ слезы, которыя видѣли на глазахъ Толстого, когда онъ читалъ или слышалъ про неправду людскую, про зло и насиліе въ мірѣ, когда видѣлъ онъ, какъ еще мало въ насъ любви.

Иванъ Карамазовъ у Достоевскаго говоритъ: «Тайна бытія человѣческаго не въ томъ, чтобы только жить, а въ томъ, для чего жить; безъ твердаго представленія себѣ, для чего ему жить, человѣкъ не согласится жить»... Эту тайну смысла жизни разгадывалъ Достоевскій и опредѣлилъ ее—въ любви, словами старца Зосимы, что адъ и все дурное есть «страданіе о томъ, что нельзя уже болѣе любить». Въ любви же и смыслъ жизни для Толстого (какъ раньше для Пушкина, сказавшаго однажды: «въ любви—истина»). И мы жили, согрѣтые этой любовью Толстого, и были покойны: по словамъ того же Чехова, если мы чего не обдумаемъ и не сдѣлаемъ,—ничего, Толстой за насъ подумаетъ, Толстой сдѣлаетъ. Какъ ни подготовлены были всѣ къ тому, что и Толстой умретъ, но смерть его все-таки для насъ неожиданность. Когда умеръ Гоголь (въ годъ начала литературной дѣятельности Л. Н. Толстого), то въ своемъ некрологѣ Тургеневъ писалъ, что смерть Гоголя даетъ горькое право считать его одною изъ славъ нашихъ и гордиться имъ. Но не намъ, современникамъ Толстого, также получившимъ это право, подводить окончательные итоги его дѣятельности. Мы чувствуемъ предъ его могилой, какъ трудно обнять все значеніе писателя; это такъ же трудно, какъ странно и невѣроятно казалось въ день похоронъ Толстого видѣть и понять, что въ простомъ, узкомъ гробу лежитъ тотъ, кто далъ одинъ столько произведеній неисчерпаемой красоты,—тотъ, кто написалъ «Войну и миръ» и «Анну Каренину», Суратскую

кофейню» и «Крейцерову сонату», — проповѣдникъ правды, вѣротерпимости и нравственной чистоты.

Чувствуемъ ли мы теперь это горькое, дорогою цѣной купленное счастье во всей полнотѣ — что мы были современниками Льва Толстого?..

И европейцы и мы еще долго будемъ разбираться въ Толстомъ и разгадывать эту удивительную загадку его жизни; его всесторонняя безпристрастная оцѣнка—дѣло будущаго. Но есть области, въ которыхъ близокъ и понятенъ намъ и теперь Толстой, мягкій и добрый старикъ, какимъ провожала его Москва за годъ до смерти, при послѣднемъ проѣздѣ изъ имѣнія Черткова въ Ясную Поляну. Онъ близокъ намъ, когда заходитъ въ избы яснополянскихъ крестьянъ и помогаетъ имъ—не деньгами, а охотнѣе своимъ личнымъ старческимъ трудомъ; онъ близокъ, когда помогаетъ бабѣ унести вязанку хвороста изъ собственнаго лѣса, чтобы не увидали сторожа или управляющій; близокъ и понятенъ намъ Толстой, когда въ морозный зимній вечеръ, по поводу астрономическаго спора съ дѣтьми яснополянской школы, накинувъ на плечи полушубокъ и, какъ всегда, засунувъ руки за поясъ, выходитъ быстрыми и мелкими шагами изъ дома, окруженный крестьянскими дѣтьми, и смотритъ на небо, усыпанное звѣздами; или когда, увидѣвъ на дорогѣ написанныя на снѣгу скверныя слова, поспѣшно

стираетъ ихъ и замѣняетъ словами о любви Евангелиста Іоанна, — намъ близокъ и дорогъ этотъ Левъ Николаевичъ Толстой, какъ близка и его могила, тамъ, гдѣ зарыта была въ дѣтствѣ зеленая палочка съ тайной человѣческаго счастья, разгаданной великимъ писателемъ русской земли.

Перечень крупнѣйшихъ сочиненій Толстого въ хронологическомъ порядкѣ.

«Дѣтство, Отрочество, Юность»	1852—1857 г.
«Утро помѣщика»	1852 г.
«Севастопольскіе разсказы»	1854—1855 г.
«Три смерти»	1856 г.
«Казаки»	1862 г.
«Война и миръ»	1865—1869 г.
«Анна Каренина»	1873—1877 г.
«Исповѣдь»	1879—1882 г.
«Критика догматическаго богословія»	1880 г.
«Краткое изложеніе Евангелія»	1881 г.
«Въ чемъ моя вѣра?»	1883 г.
«Смерть Ивана Ильича»	1884—1886 г.
«Власть тьмы»	1886 г.
«Такъ что же намъ дѣлать?»	1886 г.
«О жизни»	1887 г.
«Плоды просвѣщенія»	1889 г.
«Крейцерова соната»	1889 г.
«Дьяволъ»	1889 г.
«Царство Божіе внутри васъ»	1891—1893 г.
«Хозяинъ и работникъ»	1895 г.
«Что такое искусство?»	1897 г.
«О. Сергій»	1890, 1891, 1898 г.
«Воскресеніе»	1899 г.
«Живой трупъ»	1900 г.
«Фальшивый купонъ»	1903—1904 г.
«Хаджи-Муратъ»	1904 г.
«Божеское и человѣческое»	1906 г.
«Путь жизни»	1910 г.

30200

Главнѣйшіе матеріалы для изученія жизни и произведеній Л. Н. Толстого.

Изданія сочиненій: 1) Сочиненія до 80-хъ гг., 13 частей.
2) Изд. С. А. Толстой, 20 книгъ.
3) Изд. А. Л. Толстой, посмертн. соч. 3 тома удешевл. изд. 3 тома.

1) Бирюковъ, П. И. Матеріалы для біографіи, 2 тома.
2) Письма: а) т. I, изд. Сергѣенко.
б) т. II, его же.
в) изд. ред. А. Е. Грузинскаго.
г) письма Л. Н. Толстого и А. А. Толстой, изд. Толстовскаго музея.
3) Мережковскій. Л. Толстой и Достоевскій.
4) Л. Шестовъ. Ученіе о добрѣ у Л. Толстого и Ницше.
5) Овсянико-Куликовскій. Толстой (въ память 80-лѣтія).
6) Его же. Толстой, какъ художникъ.
7) В. Вересаевъ. Живая жизнь (о Достоевскомъ и Львѣ Толстомъ.)

$y = 70$
$n = 30$.